

II P O 3 A

Егоръ Агакицкій

У ТЕБѢ ТЕЛЬ

КНИГА ВТОРАЯ

Мы все пилигримы, мы все пилигримы,
Как листья по зетру, по свету гонимы.
Мы пылью изглохны, зноем палимы,
Мы мимо оазисов, дальше и мимо,
Ведь мы пилигримы.

Твой спутник умрет перед самым рассветом
Взмученным, гордым, голодным, раздетым.
О небо, буй проклято, где же ты, где
... ти?

Зачем он тебе вот такой, недвижим,
Ведь он пилигрим.
А утром все та же пустыня, пустыня,
И тебе все то же, пустое, бессильное,
В хали все дац же необозримы,
И гаснет надежда в груни пилигрима.

Капонус

- Стоп! - разраженно взгласил Начтов, спернув с головы наушники и, недовольный, бросив на стол, брезгливо сморщен подбородок, мельком взглянул на улыбающегося К.И. и шумно вздохнул. - А ты чего веселишься, бригадир? Не слышать, какую ехинезию они там тешут?

- Сегодня это ваши игры, неф, - примеряюще удивился К.И. - У меня - виднее наблюдение.

Они сидели ряком за столом, а перед ними в нескольких метрах - каждая в отстекленном пенале - пятеро новых учитательниц, недавно принятых на стажировку, - однаково молодые, образованные, пегие и житейски глупые. Левушки в научниках и с микрофоном работали по "ситуативным" карточкам - новинка нефа - и задания были просты: утешить

двоеборческого клиента в ситуации утраты денег, поверки, изъятия; затем - в ситуации скуки, тоски, эндогической неотцентрированности; наконец, последнее на сегодня занятие - импровизация на тему Бога, любви, внутренней борьбы.

Сам шеф разместился у пульта и время от времени переключался от одной утешительницы к другой, и с самого утра был неподолкан, - хмурился, прерывая работу и ворчал: и тактика утешения его не устраивала, и лексика казалась примитивной, и вообще, как он говорил, "в этих фибочках не хватает жизненного каркаса", который шеф полагал важнейшим свойством гуманоников своего пола...

- Вот вы, - обратился шеф к одной из круглоглазых, - простите, как зовут? - он посмотрел на лекций наряд кипаризованный график. - Катя-первая, да? Так вот, Катя-первая, вы знаете, какие глаза у вашего клиента?

Начтова включила пульт на общую связь, чтобы все слышали, и хитро склонив голову и выставив ухо, ждала ответа.

- У моего клиента глаза голубые, - ответила Катя-первая кипаризована. - Голубые, как в стихах Боссмана.

- Сф - простонах Начтова и процитировал: - О примитив! Бессмертный примитив, ты проникаешь плоть тысячелетий... Банонус, книга вторая, стих восемнадцатый. Катенька, девочка, где и у кого ты видела голубые глаза?

- У Бильбовецкого, - заупрямилась Катя-первая, - у моего партнера по чистотеке.

- Оли у него крашеные! - зарычал шеф, и девушки в кабинках храбро захихикали, а Лена даже циркнула затонкой чернобатой рот. - А вы, Катя, есть рефлексокальстик, поскольку даже если у вашего воображаемого клиента голубые глаза, - цвет текста утешения у вас не соответствует цвету глаз клиента. И вообще, у вас какие-то серые эмоции...

- Поправка номер четырнадцать, - спокойно напомнил К.И.

Недавно принятый устав организации состоял из одного многословного параграфа и сорока четырех поправок, и четырнадцатая устанавливала: "если вопрос или тема, и направление разговора могут породить или в совокупности рассматриваться как оскорбительные, утешитель выраже прекратить".

общение".

— Знаю, но может. Катя-первая, вам следует поработать над своим лицом. Вы работаете над лицом?

— Конечно, — помутала девочка, разогривая нервность.

— Гимнастика по системе Старославского. Как это принято всеми лицедеями этого и того света.

— Не надо археевов, девочки, — строго сказала неф. — Вы меня изводите консерватизмом. Никакой самоподательности. Не гимнастичь, а лица, в светлом блеске честолюбия перед зеркалом с сиюнущими губами изображать лицом то, что вы про себя модча проговариваете. Например, посмотрите на меня и проследите, что я про себя произнесу.

Девочка с минуту смотрела в буддийское бесстрастное лицо нефа, затем покраснела.

— Вы ругаетесь нехорошими словами.

— Каково? Техепатка! — воскликнул с торжеством Начтов.

— А? Я тебе говорю, что в этой девахе что-то есть.

— Определенно, — ответил К.И. — но голос ее меня смущает. Чего-то в нем отсутствует или что-то лишнее.

— Ну-ка, посмотрим. — Начтов начал изучать. — Что там у вас, милочка?

— Супружеская неверность, — гулко, как из бочин, отвечала Катя-первая.

— Прекрасная тема. Вся строится на романтических буржуазии. Как пахнетади леска. — Начтов начал дикий изучение К.И. — Поехали! Каждая работает по своему званию. Вера, сделайте за языком. Нет, не за лексикой, а во рту. У вас иногда прорывается смист и "а" баражит в позиционных чередованиях. Это, вероятно, следствие диалектных истоков. По-видимому, ваша прабабка происходила из Оболинского уезда Курской губернии? Вот видите. А вы, Лена, приготовьте по теме самостоятельную шутку. Ваш клиент — мужчина? Его возраст? Отлично, ему подойдет и черный юмор с блестками эптизизма. Рата, сделайте за метрикой, у вас какие-то ебон. Вы французское отделение заканчивали? Ну ничего, не огорчайтесь, это неправильно. Итак, приготовились? Пожал.

Минут двадцать Начтов и К.И. внимательно слушали, переключаясь с одной увеселительницы на другую. Затем неф, по-

смотров на часы, составили занятие и сидя науники.

— Перерыв! — объявил он. — Всем на разбор.

Девушки вышли из кабин и уселись на лавки у стены.

— Какие-нибудь замечания? — спросил Начтов у К.М.

— Есть, несколько. У Кати-первой в голосе маловато бархата. Вы видели когда-нибудь бархат? Натуральный, разумеется. Попытайтесь вспомнить образ бархата и придать голосу оттенки той или иной бархатистости. Потом мы с вами побеседуем на эту тему. Вообще же наплохо сработали задание. Как временные параметры, шифр?

— Катя-первая полностью у投身лась в расписанию и отлично справилась с темой. Рекомендую, девушки, катии афоризмы, только что родившийся на ходу занятия: "супружеская верность — от недостатка воображения". Благодарю, Катя, вы молодец. А что у Веры с позиционным "з"?

— Посвистывает, — ответил К.М.

— Посмотрим. Похалуйста, Вера, прочтите какой-нибудь стихок на "з". Внимание, слушаем все.

Большая, выпуклодекая, пышнокутная Вера, глядя на неё в переносицу, начала старательно диктовать:

Резиновую Зину
Купили в магазине,
Резиновую Зину
В корзине привезли.
Она была разиня,
Резинован Зина,
Упала, и корзина
Извалась в грязи.
Мы вымыли в бензине...

Одна из девушек, лицом мясистая, большая, нескладная и оттого изобраз и глуповатая Зина, слушала и краснела и когда стихок был прочитан, громким шепотом произнесла:

— Наша Вера хочет ...

Начтов сильно и туже пристукнул по столу краиной ладонью.

— Девушки, не ссорьтесь! Помните: вы — единое целое.

домское братство. Поэтому и слово и понятие обиды изменили отторгните из своего обихода. Понятно, почему это необходимо? Объясняю. Вам придется принимать и на себя, и в себя чужие горести. Как удары. Их можно гасить только мягкостью, без-общностью. Иначе — травма. А травмированный утешитель — это кто? Правильна Лена погумала: травмированный утешитель есть идиот и дурак первой категории. Что? Нет, Катя-первая, здесь находятся три разинки, ритономовенная грачанка. Илют — прирожденный оптимист. На идотах паразитирует реальность. Дурак — кристаллизованный реалист. Новогодняя и историческая протяженность свидетельствует свою "самость" в дураке. В нем оптимизм и пессимизм соответствуют жизненной всенесущности; идиотице — откатке. Прокурор — также оптимист, но, в отличие от идота, не прирожденный, а самосозданный. Прокурор паразитирует на реальности и в большей степени определяет ее. Но существу наша жизнь в ее каждодневных частностих создана прокурорами. А своем вынужден развитии прокурор незабально обращается в идиота. Но идот никогда не деградирует в прокурора. У эволюциидет обратного хода. Вам ясно, красадицы? Что? Конечно. Или жизнь, что драматические узлы или дела. Они — внутри, они регулируют все и кумулируются в отдельных точках. Вот вы и должны стать и быть такими узлами ума. Вопрос есть?

— Ос у же вопрос, — сказала Лена, веселенькая, смазливенькая, томенская и пункотенская, — из-за ее внешности неф суха согласился принять кевинку на испытание утешительницы: по надежному убеждению нефа красота жизни усугубляет драматический разрыв форм и сущности и поэтому утешительница должна быть немного лурнушкой. — Скажите, следует ли строить личную жизнь по уму или подбирать ум для личной жизни?

— Это разные вещи, — твердо ответил Начтов, — они могут и не соприкасаться. Совсем не обязательно, чтобы одно было в другом. Вы можете иметь любую личную жизнь или довесе не иметь никакой. Это ваши заботы. Но на службу следует являться во всеоружии ума. Жалко. Домашнее задание. Вам тетради и проверки и чесыма недоволен. Каждой из вас я ука-

зывая список изобличимой литературы. Следующее наше занятие через три дня, и к этому времени необходимо хотя бы схематично разработать логическую структуру заданной темы. Темы такие: "выявление выражения эмоциональных состояний". Этую тему возьмут Энна и Вера. Дальше: "параметры личности". Этую тему раскроет Катя-первая. Для Риты — "тинология восприятия иного человека". Прикиньте, Рита, возможно, у вас получится типология отдельная для мужчин и женщин. А для Лены — что-нибудь легонькое, ненасомое. Скажем так: "идентификация собеседника". Всем понятно задание? В случае сотрудников обращайтесь либо ко мне, либо кbrigadieru. А сейчас предлагайтесь и разбейтесь.

Сталерки, щебача, похватали свои сумочки и выскочили.

— Стаки, — задумчиво набирая исход чешуек, произнес Начтов. — Несобранные какие-то, расхристанные. Мне кажется, что и яма они такие. У Лены, например, во комнате разбросаны пластмассовые роветочки для трущей. Много-много. Ты знаешь, мне лумается, иначе и девушки стали грубо двигаться, и птицы такого делают, — отчего?

— Ситые, равнотущие, — ответил К.И.

Начтов выключил аппаратуру, расстегнул пуговицу у горла, смило зевнул, стукнул краинки зубами.

— Скучно, — признался он, скривив вторичный носок. — В такие минуты тянет на стаки — ничего с собой поделать не могу. Дока слушал про ревнивую Энну, сам сочинял.

— Прочтите, каф.

— Смеяться будешь? Учи, я критики не терплю. Ладно, слушай:

Были в меру скромных сих
Гомофоб и Гомофик,
Но, рассорясь, трупа в лес
Иварких ирачных Гомофоб.
Тут пожицкий прычала,
Гомофоба забирала.

Начтов замолчал и посмотрел испод, как петух на яйгушку.

— А дальше, каф? Что с Гомофиком?

— Жаль же, если бы я вижу, — проза. Былость о достоинстве здоровья. Временная нетрудоспособность, инвалидность. Однако, пройдет несколько лет и они встретятся... Как сумеешь, если я закончу эту поэму, ее напечатают?

— Я не мечтаю, неф, ни же знаете, что обычно печатают. Но закончить — надо. Мы сами издали. Вензелями на издаванной бумаге. В виде листовки.

— Скучно, — слова севнул Начтов. — Поймем письем?

— Не могу. У меня семнадцатая длительность трезвости. Кончается сегодня в шестнадцать шестнадцать.

Начтов взглянул на часы:

— Через сорок минут. А потом люди с работы пойдут. Народу будет много. — Он сунул руку в карман куртки и вытащил квадратный полборошок, попросил:

— Расскажи про урода событий.

— Аnekdot? Вот реальная история. Аспирант медицинского института, тайный наркоман, пригласил в гости своего учителя, профессора, убил его, тело завернув в одеяло и повесил в плафонку, а голову — в пастрюль. Залил водой и поставил на медленный огонь, зарыв ступень. Саны лег спать, и проснувшись, увиделись соколиного и начал признаваться. С тех пор в институте говорят: держи ноги в тепле, а голову — в холода.

Начтов улыбнулся, приоткрыл глаза и посмотрел на К.И.:

— Это правда было?

— Истинная правда.

— Тогда неинтересно, — вздохнул Начтов. — Жде встречалось. В какой-то поэме у Лории Китса влюбленная женщина поместила голову возлюбленного в цветочный горшок, засыпала черной землей и посадила цветы. Цветы родили пурпуро. Желали выразить: в своих поступках люди не могут сделать ничего такого, чего бы не было раньше придумано в литературе. Представляешь ситуацию? Ни дут синий, рассуждаем умно или полон умно, а все это таким тарифом описано для сейчас какой-нибудь чоконер пытается изобразить и при этом врет бессмысли, и над, безмерно вариативных лягей, приспособливает к своей однобокой художественной концепции.

Начтов еще раз тихо вздохнул.

— Трудно стало жить и работать.

— О чём же так, неф? Но-исому, все идет нормально, — сказал К.И.

— Но-нет, милый, это не ты говоришь, это твое выражение глаголет. Ты заметил, даверисе, что среди наших клиентов все чаще встречаются люди без внутренней опоры, пустые люди. Паки не одномерные, а просто — пустота в оболочке.

— Пустые люди — это тоже было, — в тон вложила К.И.

— То-то и страшно. Составлено, не страшно, а печально и горестно. К тому же паки с тобой пако со временем захиреет. Потому что все в мире кончается прелательством. Все: идеалы юности, мятежи, бунты, революции, исторические и воинские победы, само прелательство — все кончается предательством. Во-первых, потому, что всякая победа достается другому, не тому, кто ее побивал. А во-вторых... Ну, скоро там время пойдет? Ясно выплыть хочется.

— Ладно, подожте, неф. Пока подгребаем к магазину, там и мой запрет иссякнет.

- 17 -

нет повода к стихам есть горечь
у причины долг неоплатен и необратимы
слепой случайностицеверине ходы
не проводы любви прелоги встреч
неповторимы и неотъемли ..
печаль от счастья радость от беды
созвучия изыди будем горло кочь
вымаживая глубину посева
без сути пристрастия и гнева
нас кинет скорбно глухущая дочь
заязка прикаян и разий гвоздь успеха
скажет и кульминација пророчат
ответно проникающее эхо ..
звучит слышней а голос откноще

Канопус

Половину дома поставили на капитальный ремонт. Альцов

виселили. Стекла выбили. Во дворе снесли два старых флагштока и два полуразрушенных кирпичных строения. Мусор вывезли. Сгородили забором образовавшийся пустырь. И на этом, как сказала Н.Н., стояла столетия на четверть века ушла в дальний период. Пустырь и гнездо оброс сдувачником, похоронником, хранился двуличной и лопухом, и не одно поколение малолетних футболистов и претендентов хулиганов выросло бы на пустыре, если бы из квартир неожиданно не съехали футбольный болельщик. Он вдруг, как с деба свалился: — получив отдельную квартиру на юго-западе и уснил. Накануне отчаливания, подавшись уговорам Марии, он через будочную договорился с дворником и устроил хеппенинг, — выкинув из окна. Быльники удосужили его перенести представление с утра на на исчезнувшем и для убедительности собрали по дваждыному.

И вот в три часа дня пьяный болельщик выглянул из окна, увидел внизу, за ограждением, дворника, миллционера в новой серой форме, толпу арлатей и злочно крикнул из своих словами:

.. .

— Прощай, старый уклад жизни! Первым отделением — я спрошу стульев!

Болельщик потерял в окне минут пять, размышляя, что бы еще крикнуть, и не испомнив, исчез. Стук полетел из окна в растопырку, упал, сковырнулся набок и покатился под восторженный гул голосов. За первым стуком выдохнулся второй, третий, затем стол, табуретка, навесть откуда взмылая котская коляска с ободраным верхом, части чивана, вдохновенно тронутая скамф, выбросив лверцы, закувыркалось эмалированное зеркало, скользнули занави, накело визжался старый велосипед, смешно дергал педалями, затем, по мере вхождения в раз, попался терракти, вилки, стаканы, и если бы его остановили криками снизу, болельщик выкинулся бы сам, настолько это ему понравилось. Когда хеппенинг завершился, зеваки разошлись, переговариваясь скромно, дворник — это был мужчина сбрасывал барабан в бояльную кучу и потяг, и весь вечер было пламя, то вскипывалось, то спадало, а к утру пространство снова опустырело.

Надолго спустя, в освободившемся комнатах бывальщика, сопровождавший точно такой же мебелью, какая была сожжена на пустыре, въехал новый съемщик. Он представился сумасшедшим, это поняли многие, и тому же изобретателем, это установили позднее. И все-таки было в нем что-то такое, что не только интересовало его среди жителей оставшейся цаховини чайки, но и целило его прямо-таки чужими, а иногда чужими и оттого постоянным для чайского интереса. Быстро установили, что он когда-то работал весьма неподвижно, за что и был втихаря уволен, поскольку изобретал не то, что в паник момент необходимо; что он был женат, но по причине гениально-го развития, которой иметь не мог и, хотя аккуратно платил налог за бездетность, жена ушла к другому.

Мария все эти события увесело исправляла. Во время хеппенинга она стояла впереди толпы и в особенно острые моменты выигрывала от восторга.

.. - Надий, - говорила она вечером того же дня К.И., - когда мы будем уезжать, мы обязательно устроим такое же представление. Я уже все обдумала. Всюди им начнем почивать прямо в комнате и потом выбрасывать в окно. Представляешь, как красиво?

- Представляю, - отвечал К.И. - У женщин заряд смысл - это последняя инстанция, но до нее дело обычно не доходит.

- А у мужчин вообще зарядного смысла - конка напнула, запальчиво отвечала Мария.

- Неправда. У мужчин зарядный смысл - это первая инстанция, и дальше этой инстанции уходит только позет. С женскойной он встречается наничейной территории.

- Но под окном склонялся, - смеялась она. - А новый мужец - ты заметил его взгляды какой-то безумный. Мицологический.

- Мицология - отсутствие реального содержания..

- Правильно, и я поняла: реальность для него - чесадные помехи, а сам он весь полуторонний и возмущенный. Ужасно романтичный.

- Это интересно, - соглашался К.И. - Функция романтика страх замкнутости, функция реалиста - страх освобождения.

они живут в страхе. Романтик proclamает, а реалист — утапливает. Так что, возможно, новый килец чай-нибухъ нас удивит.

Несли же новый килец каждый вечер шумукался на кухне с Н.П., но вредная старуха на все вопросы о нем не отвечала, упорно поджимала бледные губы и напускала таинственный вид. Такие Марии, которая могла при волеции извлечь пушку из человека и слова наложить на место, такие Марии не пренесла визит у Н.П., о чем это они секретничают.

— Мне кажется, — мечтю делилась Мария, — я уверена: они затеяют строить космический корабль. Ждай первые постройки и улетим.

— Я не умею, — премотно отвечал К.М.

— Хорошо, милый. Тогда утешь меня.

— Рано. Еще не утарили в колокол.

— Какой колокол?

— Как у парагвайских незуитов. У них был обычай: в полночь бил колокол, призывая всех мужей приступить к исполнению супружеского долга.

Мария с минуту беззвучно смеялась, затем заявила:

— У нас будет другой сигнал — прик почной чайки.

Вечерние перепетывания с Н.П. материализовались в проект. В один чудный денек изобретатель широкими шагами открыл на пустире квадрат двадцать на двадцать метров, обвел колья, протянул веревку и объявил, что отныне это площадка для строительства космического корабля. За неделю у площадки выросла груда заготовок — старые водопроводные трубы, части газовых плит, чугунная ванна, листы кровельного железа, пружинные матрацы, металлическая кровать в приличном состоянии, котел в раке инвалидной коляски, натуральный сварочный агрегат, котлы кипеля и множество других предметов загадочного происхождения и неведомого назначения.

Руководителем проекта оказалась, естественно, Н.П. и ее первым заместителем — Мария. Старуха преобразилась — двигалась решительно, напористо, разговаривала энергично и деловито, разиншило костякулевала. Она для охраны строительства вынуждала золотого скакуна милиционера, и

он с утра прохаживался по периметру, токсикъ бездельем, краснел от смущения, поривался сбакать с поста.

Весь поселок загорелся замусолом. Спори, кого брать в полет, а кто и каром не нужен, то и тело вскипал в квартирах, на кухнях, в коридорах, на лестничных площадках. Иногда кто-нибудь с верхотури, перегнувшись в окно, кричал вниз:

— Мария! А Зойка с тридцать пятой квартиры...

И дальше нах перечень проступков Зойки.

Мария отвечала снизу:

— Дередайте Зойке, что если она...

И дальше нах перечень требований к Зойке.

В конце концов, пренварительный состав экипажа утвердился, и работа пошла по плану, если какой-нибудь план был в чьей-либо голове. Сумасшедший изобретатель, о пропитании и обиходе дорогого ракела собственность, с утра торжественно выходит на пустырь, дотягивал на лохматую голову чешуйчатку козирьком назад, затем вокругал сварочный щиток и приступал к работе.

Несколько раз вахи с улицы обыкновенно молча наблюдали за строительством и редко вступали в разговоры.

— Скажите, товарищ, — обращался кто-нибудь из прохожих или приезжих, которых тага к информации тянула с улицы за забор, — ваша программа как-нибудь согласуется с мировыми направлениями в космонавтике?

Изобретатель, поглощенный работой, либо не знал вопросающему, либо, почтив щиток, тупо и пронзительно смотрел на И.И. или Марии, и они загадочно отвечали:

— Нет.

— А какое секретное топливо вы используете?

— Перемолотые зубные щетки. . . .

— А ваш полет будет иметь калюнарный разгон?

— Едва ли. Мы разгонимся сами по себе. Частная инцидентика.

— А...

.. И.И. или Мария на четвертый вопрос отвечали что-нибудь вроде "а вы знаете, что в магазине напротив...", после чего вахи, так и не послушав, исчезали.

Раз в неделю по субботам к общей радости всего польезда - не оставалось ни одного окна, стукнути бы головы жильцов - проводились испытания топлива. Обнажое в корытое колено волосточной трубы или полуметровая гильза из под мороженого начинялись пластмассовыми пакетами с перетертыми в кроху зубными щетками. Изобретатель вкладывал трубу в направляющую трекогу, Мария, глядя на часы, навала отмашку, И.П. помносила факел на треке лафры, и труба, разбрызгивая вспыхивающие искры, с ревом и свистом оставляя за собой черный след, уносилась в сиреневое небо под крахи высунутых из окон голов.

- Ну как? - с сомнением спрашивал изобретатель.

- Неплохо, - отвечала И.П. - Множко, стартовая скорость маловата. Желю подробовать добавку триэтилалюминия.

- Ещё процентов пятнадцать триэтилалюминия, - говорил изобретатель.

- Не более пятидесяти процентов, - настаивала И.П. - И при этом пронитить смесь жидким пропаном.

Мария настолько увлеклась дредетоядным полетом, что ни о чем ином, казалось, не могла думать и говорить. К.И., возвращаясь со службы под утро, заставил Марии за книгами по аэронавтике. По общему молчаливому согласию, Мария сама назначила себя штурманом и ночь - пока К.И. пилотил - она тоже не сдала - с таинственным соорудочечным видом склонялась над взвешенными картами, вычисляя ватки и параболы, однако, делала это, как будто понаронку, чай близко, заранее зная, как и куда они отправятся. Две-три раза в ночь она выходила на улицу и звонила К.И.

- Милый, тебе не скучно?

- Скучно.

- Были какие-нибудь скучные случаи?

.. - Нет. Звоница винница и спрашивала, какую птицу сбрасывать, чтобы родить мальчика. Я посоветовал ей за два месяца по зачатки питаться мясом и грецкими орехами, а также обратить внимание, есть ли у ее мужчины рожевые пятна или бородавки на теле. Тогда восемьдесят процентов успеха - птице, плавдеть - рожими пятнам.

- Ты умница, милый, все знаешь. А еще что интересного?

— Советы по воспитанию детей, рожденных вне брака.
Потом — как бросить курить. Как отыскать от телевизора. Беседа о структуре женского характера. Всакое, несерьезное.
— Я так соскучилась по тебе. И чаинки вечно кричат.

— 18 —

Сквозь наши контуры и грани,
Неловкость чина,
Отчаянным напоющим
Лицая теплится чума.

Бе павли и терзали, ..
И в перечне безмерных бед
На каждом новом перевале ..
Кровавый, тяжкий стался след.

Но нет преграды и препона,
И сквозь железный ржавый ритм
Она естественность тона
О силе вечной говорит. ..

И грядет срок такого рода,
Когда, закланье скруша,
Восстанет мертвого народа
Неотраченная луна.

Капопус

Возможно, у шефа была некая вспущая или влекущая мысль, тайная для него самого, или это было наитие, божественная интуиция, которой он приводился в действие и управляемся, — возможно, потому что установления и поступки шефа часто не покидались расплывкою, причинному распознанию, но когда он что-нибудь решительно объявлял, его окружение, исполоссанный конклав единогласно восхвалял: вот, это именно то, чего ищем мы и стражущее человечество. Так было и на этот раз. Он объявил аврал и собрал в конторе всех, включая стакерок. Усадили деревя и возвели седла, пополту смотрел в лицо каждому, пумел пуху свою, усмехаясь, встретившись взглядом с К.М., и, наслаждаясь острой скиданью, заговорил:

— Итак, "рузья", я собрал вас сюда, чтобы объявить три задачи, стоящие перед нашим мозговым коллективом. Первое: мы оказались в тупике. Количество полностью утешенных клиентов снизилось, но, возрастное количество налоутешенных. В это в то время, когда динамика и энергия стрессовой депрессии возрастает. Частично это объясняется международной односторонкой, но, в основном, тем, что мы очутились в пленау собственной технологии. Наша ошибка заключалась в том, что мы обращались к человеку, как самому, не учитывая того контекста, который, собственно, и создает конструкцию личности. Пример: да приведет к тому, что у него-то из вас - у вас, Вера? - были два хронических алкоголика, из которых один мечтал избавиться от психической боли, а другой - от недуга. Как вы с ними работаете?

— Как обычно, — Вера покачала головой, — никаких лекций о вреде алкоголя я им не читала. Для одного я начала с рассказами, рассчитывая на совместность, для другого — развязала откровенность и выяснила, что когда-то он неплохо рисовал, у него были способности. Затем — немного увещеваний, несколько страшных статистических цифр, немного юмора на тему "еще не все потеряно", и вот конец — частное слово с клиентом, что он попытается взять себя в руки.

— И это все? — спросил Начтов.

— Да, — покачала головой Вера, — как обычно. Понадобился случай пьянства на почве личной неустрашимости.

— Вот наша общая ошибка, — сказал Начтов. — Стратегический просчет. Мы обращаемся с клиентами как с механическими существами по схеме "стимул-реакция". А между тем, — воззвал голос Ефима, — условия человеческого существования — вот основная причина всего. Мы должны направлять энергию, ум и сердце неутешенного на его собственный контекст. Царевна — центр наших недривленных усилий с человека на среду его материального и духовного обитания. С тем, чтобы самий спектр его бытия растягивался в пространстве и времени. Пусть меняет работу, меняет среду обитания, обретает новые увлечения и т.д. отказывается от прежних...

Ефим подергал обвел взглядом присутствующих.

— Наша практика технологии, — проговорил он, — это пы-

дтирь на общественном организме. В то время как утешать надо не человека-личность, а человека-социальное существо. Обращать внимание на его потенциальные возможности, стимулировать панамнику мыслей, энергию поступков. Мы должны быть не грохостводом унылых состояний, а компенсатором позитив.

Ясно?

— Более или менее, — ответил К.И.

— Эх, девочки, поняли?

— Мы ничего не поняли, — за всех ответила Вера.

— Не беда, освоите мое мышль в процессе. Бригадир вам поможет. Контролем успеха станет снижение процента неоплаченных клиентами счетов. Кстати, за счет изменения технологии мы можем повысить стоимость трех минут утешения. Как вы знаете, бригадир?

— Это прямо-таки необходимо сделать, — ответил К.И. — Во-первых, часть суммы должна идти на рекламу. Во-вторых, из-за увеличения стата, естественно, увеличивается прямой фонд. В-третьих, рост стоимости сам по себе ведь приятная. Если растет эквивалент труда, стало быть, сам труд возрастает в значимости.

— Чудро, — заметил шеф. — Нельзя тебе поверить большое хозяйство — в иссяц разгадки... Итак, новая задача ясна? Теперь второе. Нам необходимо собрать весь наш наличный опыт и отформовать его в учебник. Название есть — "Основы теории и практики утешения". Вводную и заключительную главы пишу я. Но одноз главе напишут Жарина и К.И. К вам, девочки, вандей по полгода. План этого великого издания будет вам представлен позже, равно как и указания непосредственно к тексту. Преквария работу, вы, девочки, должны испробовать характеристики аналоги из тех, что вам приходилось нести во время стажировки. Если — если ничего нет в копилке — придумайте любые аналоги, имеющие ярко выраженный иллюстративный характер. Это ясно? Превосходно. Тогда третий вопрос. Самая опытная утешительница Жарина на них отправляется в длительную командировку. За границу.

Все застыли от удивления, а Жарина, слившая обочь кеф и легкими движением пальца обработавшая ногти, от неожиданности выронила папку и произнесла "О!" с такой

богатой и разнообразной гаммой хорошо отрапортованных перекинувших, что неф восхищенно крахнул и щелкнул пальцами.

— Учитесь, пока мы живы.

— А куда тетя Марина едет? — спросила быстроротая Зина.

— Все больше по северам, — объяснил неф. — Северная Италия, северная Франция, северная Германия, северная Польша и, Бог даст, возвращается в северную Францию. Цель турне — собрать материал о характерах и проблемах людей, проживающих в северных частях европейских стран. Марина планирует съездить и актуализировать тему "Географический принцип народонаселения и типология личности".

Стажеры захмучились, захихикались, и Начтov строго постучал пальцами по столу.

— Внимание, девочки. В связи со всеми этими делами я вскоре назначаю себе отбыть в командировку по странам Сибири и Дальнего Востока, а посему вместо себя назначаю начальником вашего бригадира.

К.И. изобразил котовскую гримасу..

— Все нормально, — успокоил неф, — девочки пусть работают, а ты ими руководи. С умом, терпением и лучевой приязнью. Руководи прямо с этого момента. Начинай.

К.И. откашлялся и улыбнулся:

— Стало быть, так, коллеги. Отсчет рабочих смен начнется с сегодняшнего. Начало работы исчисляем с исчисления, учитывая вашу молодость и сонливость. На службу не спазматизировать. Балетень не косить. Правила внутреннего распорядка — неукоснительно. В служебном помещении — никаких посторонних лиц. Работайте с головой, лупи, что все знаете и от вас все зависит. Время от времени я буду звонить и не своим голосом проверять вас.

Неф обрательно кивал головой и изящно удалился стажеркам. К.И. говорил нарочито долго и нудно. Марина ухмыбалась, а девочки скосили и стеркивали зевоту.

— Таким образом, — прозням умным голосом закончил К.И., — в позитивной части своего труда вы обратаете некоторую толику нравственного удовлетворения, тем самым восполняя выдавленный запас туми, ну а в негативной части работы вас склоняет грустные эмоции и печальные размышления, и в результате

то внутренний энтропийный баланс ученителя вы уберите на оптимальном уровне.

— Слышали? — спросил Начтов и, покивавшись утвердительных кивков, закончил: — За работу, молодец. А мы пойдем пить пиво.

Вечером того же дня Марина улетела. Приводили ее Начтов и К.И.. П.Л. и Мария забекали на минутку проститься, обхлопаться, поговорить ворожи советов, как отставаться и развлекаться за границей и, энергичные, умчались на какой-то сногсшибательный вернисаж, где, если верить лукавым языкам, выставлялись наиболее гениальные истины современности. Принад и Гоза, отрастивший бороду и ставший похожим на танкиста, усталый и навеселый из-за приступающей язватели, долго цепдался с Мариной, прощаясь, между перекладинами своих длинных темных пальцев и заглядывая в глаза.

В аэропорт ехали на такси втроем. Даже шеф, и тот подгрустнел.

— От таких минут, — говорил он, — наша китайская мудрость тускнеет. Сначала весь мир в друзьях и приятелях. С годами их делается все меньше и сами они становятся меньше, а теперь все больше людей оказывается по ту сторону баррикад. И когда уж и нет никого, и ты один, тогда защищаться — что защищать? как защищать и столько ли вообще вызывать?

Марина сидела рядом с водителем, обернувшись и положив подбородок на сцепленные руки, и улыбалась большими блаженными глазами.

— Все будет нормально, шеф. В конце концов, все будет нормально. Все будет хорошо и нормально. Лобро неизбежно. И мы это знаем. И духовное братство, и духовное ростество — это сила, против которой никакому злу не выстоять. И у нас есть что преподавать миру и совести. Даже если расчет будет повинен.

В затяжеленном безакустиком баре аэропорта они колча крутые синтетические склонники в зночках синих бокалах с коктейлем. Потом шеф, насупившись, заказал по рюмке коньяку.

— Разлетевшись, голуби, — говорил он медленно и разумно. — Но странам и континентам. И в этом есть некий закон. Не забывайте, грузья, про два пара, белый и черный, в руках каждого. Белый — добро. Черный — зло. Удивленный перехватил белый и вынужден был выпустить из рук. Они поклоняются срочи лягушек, обрастают поступками, как комья снега или комья грязи. И небезопасно они возвращаются к своему владельцу. Это закон возврата.

Прощайся, Евдика обняла, тряжки поцеловала мужа и К.И. и попрощалась:

— Прощай, чудак. Береги свою девочку. Если захочет улететь — пусть летят. Не удерживай. Она птица вольная.

— Знаю, — отвечал К.И.

— Я буду помнить тебя всегда.

— Я я не забуду.

— Вот и все, — сказала Евдика. — Прощайте, мужики. Я пойду, иначе разревусь.

Она отвернулась и, продерживая у плеча ремень сумки, ушла не откладываясь, освобождению леткая.

- 19 -

она сдыхалась свалами скорбных колес
на подъемах легка и на спусках неосторожна
перегружена тако без мерц наперекос
то влечится едва то вперед колыбачит без-
созно-

телога любви кой поверху пахла скадром
стихами и преводом и прочей таюю ерундой
и с жестока как помине таскаю ее за собой
сначала игреччи разво сладь молодой
с головами с трутком безыскусно не верул да от-

пых
хотел облегчить и уменьшить постыдную доню
товар распродать захваченный совсем по лавкам

ко
и пухалось ханжалось хватит постагочно
брому

у края дороги на вынужденной остановке
пролить не случилось и бросить не уда-
лось
телефон дергает и толкает меня на авось
и я на порогах своих безрассудно крутих
от страха раздавленным быть отупел и
... прятых
ты неструешься рядом команхуешь вдвою и
... строго
как будто твой и телефон и я и порога
принял твой далекий карах твой некости-
... хии
невиданный отиль пламенеет над ним

Капопус

- Милый, ты очень становишься грустить, когда я улечу?
- Не улетай. Ваша конструкция развалится в трех мет-
рах над землей, и вы все упадете и умрёте.
- Не развалится. Я знаю, не развалится.
- Тогда я стану скучать и грустить, и горестно плакать,
стеная оттого, что осталось мне мало жить и я живлюсь раг.
- Ты же умеешь плакать.
- Когда захочу, все умею.
- Я я буду плакать там, извонду. А потом я вернусь, и
у нас будет такая же подглаж почь как эта, и я тебе все ста-
ну рассказывать, что увидела, узнала и помяла. Мне кажется,
в жизни все должно быть не так. А в жизни — так, как сей-
час. И мы из сердца смыслимся выйти в минуту чистоты и всел-
вий раз наталкивались на слезную веру, себлябие и всеобщ-
ность лжи.
- Слычу Н.Н. в твоих речах. От зауми отупел и зачах.
- Да. Это она подкармливает меня космической философи-
ей и теорией внеземного общения. Мы там должны ведь с кем-
то общаться?
- Могучая бабуся. А чему еще она тебя учит?
- Георги любви.
- Это интереснее. Мы будем ей обязаны сказать?

— Нет, она поставит зачет "автоматом". Понимаешь, любовь — это женственность мужчины и жертвенность женщины. И если в тебе нет женственности ни на полстолько, а во мне жертвенности ни на четверть столько, тогда у нас, прости, милый, ни никакой любви быть не может.

— Черт побери, что же делать?

— Не знаю, милый. Мне тоже стало странно, когда я это выяснила. Если в тебе нет женственности, тогда ты у меня, голубь, усербий. Да и я жертвовать не умею...

— Про жертву я тебе расскажу. Допустим, существует женщина, например, ты. Сначала мы ее слегка целуем...

— Ты говоришь "мы". Разве ты со мной не один?

— Это фигуральное "мы". Сейчас во мне символизировано все мужское выражение планеты.

— И негрят?

— Что за глупости! Ты же видишь — я белый мужчина.

— Не виду. У меня глаза закрыты. А где поцелуй?

— Прости, милый. Вот он. Легкий и незначащий. Как попылки на ладонях. Боже, какие сальные губы! Ты их пастой не смазываешь?

— Конечно, нет. Натуральная кожа... Еще одного потихоньку, а то превратят узелок. Это уже начинается жертва?

— Нет, это пока вопрошание богов...

— Тогда спроси их еще разок... Спасибо, милый. Они, наверное, откажут. Попробуй громче... Как хорошо... Но они все равно безответны. Живай вместе... Чаконец-то. И их слышу, милый. Они требуют немедленной жертвы...

— Милый, а я успею до рассвета еще принести жертву богам?

— Конечно, я не сижу.

— Богов там много?

— Как кур на настое. В каждому нужно по жертве.

— И ботинкам?

— Вы в первую очередь, значе начнут скандалить.

— Тогда я спасибона. Все-таки с ботами нужно быть в хороших отношениях, мало ли что? Одного потихоньку, покалужста.

А это вопрос влогонку первому. Нет, нет, мальчик, подожди, ответа пока не было.

— Хорошо, только пусть они отвечают быстрее. Рассказы про слепую веру, которая всем машет харь.

— Значит так, слушай. Жила-была слепая Вера. К тому же она была косельская — все глазки в кучу собранны. И с некой какой-то неладой. Её жена была несколько набок свернута.

— Беднага. Получала пенсии по инвалидности?

— Глухий. Лежал в пленке в прятке?

— Естественно. А отчего глаза — в кучу?

— Понимаешь, она пыталась что-то впереди высмотреть. Такая настырила, просто ухас. И все ей казалось, что только она одна видит и одна все знает. Ей верили, и она командовала: идите туда-то и делайте то-то. Или и делали. И ничего из этого не вы演化валось. И она всем гравила, такая непереносимая лягушка. Потом ее многие раскусили, чем она занимается. И когда раскусили, то внутри — и сказать противно.

— А зачем ей это нужно — вратить и всякое такое?

— Вот здесь самый хитрый фокус и заключается. Дело в том, что слепая Вера бессмертна и незеростко плодовита. Распространялась она по всем землям. Живет она у англичан и у китайцев, у французов, и у нас процветает. Везде она есть и всем машет. Но всяким условиям приспособливается. Куда ни толкнешься, везде на нее наткнешься. Говорят, что если человечество уничтожит себя в войнах, то после людей останутся науки, крики и слепая Вера. А из этого всего слова жди появится, и все повторится.

— Может ее... того?

— В том-то и секрет, что никто не знает, как это сделать — того. За тем мы и лежим, чтобы все wissen.

— Грустная история. Рассказы про сейдашибе.

— Это ужасно, мальчик. Себадебе — превратишься? — когда ты любишь сам себя и я люблю сама себя. Ничего гиуснее и скучнее этого нельзя и прятумать... Тихе... Так и есть. Да, слышу, слышу! Мальчик, боги снять требуют от меня кертви...

— Милый, тебе кто-нибудь говорил такие слова?
— Впервые их слышу. Какие же слова, что они значат.
— И я говорю их впервые. Ты устал?
— Нет. Свеж и бодр, как луч утренней зари. Расскажи, что было дальше.

— Слушай... Тогда Лорь, гость Скульпурки и спасённой Дери, приходит к королю и говорит: "Я знаю, как ты можешь сделать свой народ счастливым". Униженный и обрадованный, король спрашивает: "Ответствуй, присягнула, как мне моё народ утопить в счастье? И если слова твои окажутся правдой, я щедро награжу тебя, и ты станешь богача и сорока своих поколениях"... Потерян, мой хороший, я должна рассказать... И тогда король по научению Дэни решал все преобразовать. Он думал, что выбрать: несчастье здания или счастье небесения? Что прелестность? Знавший — свободен, зато неподавший — законопослушен. Долго мучился король сомнениями, пока не решил исследовать совету. И вот во всех школах — начальных, средних и высших — установили: облечь сущность величества... Итак, как там на Олланте, все кури сидят?

— Одна пестренькая не спит, не промышляет своей кертины. А что случилось с королем?

— Ты хотела спросить — с королем? Король в конце концов пересек в иное бытие, а народ четыре по сорок готов них в довольство и трудовых насил, а затем все это блестательно развалилось, потому что сущность не терпит затворничества в величии.

— Ну и захурила тебя бабуся!
— Нусть танкется, мне не жалко.
— А как этот инженер... ничего?
— Глупый! Всё эта ревность — от страха и затуманенности. Ты — единственный, и кроме тебя, и больше тебя, и после тебя ничего и никогда не будет... Ты задрогнул...
— Да. Я понял: ты не умеешь плакать.
— Не умею, милый. Ты... слушай? Чайка кричит.
— Зачем ты с нами хочешь улететь?
— Это они — со мной. И — домой. Они — в гости. Ты слушай? И пестрая курица извивается?

— Капелька! Кирпичка! Идите сюда! — Гома открыл дверь и распахнулся для объятий. — Начал, ручку! Всё же, как вы прелестны, Капелька! Привет, старина. Прокладте, славные вы мои. Голубушка, если замуж-К.И. когда-нибудь вам надеется, вы только покажите мне нальчанский знак и я тотчас разведусь со своей невестой... прощите, уже о женой... или нет?... парень, она еще невеста не факто и жена же про. Короче: как только — так сразу. И с вами берем горячие крылья и — в Барселону. Вы бывали в Барселоне? — Гома принял руку и сердцу и хриплым тенором запел:

... Барынька, барынька, недочинта, старенька.
— Гома крутанулся на цапке. — Прелестница, позвольте приложитьсь к ручке... Благодари-с. Бросу, господа, в горницу. Вся компания в собре, и вся-такая.

Мария и К.И. прошли в большую комнату. За круглым столом под широченным розовым абажуром сидели И.Н. и Наумов.

— Гома, погулядай. — Мария пристала на щечки и чмокнула черную бороду. — Это вам.

— Спасибо, голубушка. Что это? Груши?! О! Черт подери, да с такой красотой и на улице не покажешься — ограбят. Вот это да!

— Где же невеста же факто? — спросил К.И.

— Пол арестом. Приспособьте, Капелька, выходи мы из церкви после венчания. Невеста в шикарном белом, и в особенно чёрном, счастливо, красиво. Голда гудит. На утку — духовой оркестр. Но во всех окнах — свадебные карти. С колокольни — звон. И вот среди всего этого торжества вдруг вижу: какой-то усатый балто-латышец поиздевает моей невесте, а она ему улыбается. Ну, я, натурально, спряталася, прямо скакнул, таке борода лишил покрылась... Привез невесту домой, хотел застрелить, а потом закрил в той комнате.

— Неправда, я сама покрылась, — досыпалася из-за приподнявший голос.

— Молчать, — строго скрипнув брови, сказал Гома в сторону двери. — Я твой владыка и повелитель. Наш брак заключен на небе, и мой гнев...

— Есть хочу, — послышалось из-за двери, и все рассмеялись.

— Господин, покалужста, вы такой добрый. — Мария поглядела его по руке. — Покалужста. Давайте я пойду туда. Надо испекнуть блиныку. И у нас пирожок для нее, — вилите? Желания привороженной — сильны?

— Я непреклонен, но вы — друг, Машенька, и вы — мне моих друзей... Вот это Большое счастье может отнести. Да, да, затрудните как скажут, аппетит у нас знаете какой?

— Рыбу хочу, — прошала невеста за дверь.

— Лягушка! — прорычал Господин в ответ. — И тебя покорми, и червячка стаку кормить, пока не стучишься ушибаться юными щеглями зелени.

— Это был не щегол, а салака, — Не унималась Невеста.

— Р-р-р...

Мария уставила сквозь большое бледно-зеленое окно в прозрачную дверь, затем щелкнув замок и раздался смех.

— Проступки, кружки, — указал Господин на стол и сол, крахмал, расстелил ложки.

— Нельзя быть угромы на собственной свадьбе, — заметила И.И. — Настроение кумухируется.

— Я не крахмал, — ответствовал Господин. — Да, покалужста, приготовьте теремки. Я сосредоточенный. Я буду таким цехом неделю. Затем последует неделя бурного веселья. Потом неделя сказкового расквакия в таком галее. Говорят, президент Сраклан, правда, чем занимается государственной деятельностью, вырабатывает в себе новый колхоз буржуазных побратимов, — бережливости, деловитости, спервенности и так далее. Но кстате — на землю побратимов. А потом начинял сначала. И стал президентом. Вот я и решил также себя кунстровать, ибо заняться — это акт огромного перехода от состояния свободы к состоянию свободы через терни, овраги, каменщики и всякие такс. Да, покалужста, прошу вас, неё.

— Поподите, мы еще не готовы! — крахмали в другой конец. — Считаем: раз! два! три!

Две пробки сеняшского в разных комнатах ходили одновременно.

Кинут через двадцать из-за двери послышалось складное

голоса. Они то смеялись чему-то тарному, то пали извони:

Уехал юный в город,
Позаречек привез —
Колечко золотое,
Букет из алых роз.
Колечко распалось,
Букет из роз упал,
А юный мой уехал,
Словечка не сказал.

- 21 -

Переселенцы были чин. Хора стояла бидейская. Розорное в скромной глике утреннее солнце в полутире раскальялось до белизны. Птицы прятались, а лягги отпугивали. То проносились слух, что распластавшаяся мантра Йонда останавливает с большей, чем обычно, скоростью и, значит, можно предполагать, что начнутся магнитные и гравитационные бури и еще неизвестно, когда и чем это кончится; то просачивалась абсолютно достоверная информация, что в городе участились случаи непорочного зачатия, а это, спать же, знаете, к чему может привести; то утверждали с пузырьковой неной на губах, что в новых районах города появилась буто би необычайные животные — помесь козла и собаки, козлонес, и это, конечно, же, был суций бред, потому что всем известно, что козы в городе жить не могут — либо задыхаются от выхлопных газов, либо проваливаются в канализационные ямы; еще говорили, что по ночам по улицам бегают прут за прутом два пустых бесшумных электронных трамваев, и когда их пытались остановить, эти вагоны тут же ускользали в четвертое измерение; потом будто бы какой-то щуплик установил, что местная газета в течение недели выходил один и тот же, только под разными натами в номерами, но щуплика испугали, сказав, что этого не было, потому что этого не может быть никогда; потом кто-то пустяк гадкий слухом, что на рынках явно продают фрукты северянам по себестоимости, и тогда люди взяли увольнительные со служб и бросились на рынки, и был удивительный шум, потому что слух

про грузинов был, матвеев говори, некороний и лживый, а подор-
чивые люди виноваты на это и в ринской суполоке, чуть не до
смерти задавили одного грузина, и всем было стыдно, потому
что чуть не задавленный оказался вовсе осетин, а это другое
дело, и тому же на рынке он случился невзначай, замел ку-
пить у цыганок цветы для больной жены, которая была в консти-
туте усовершенствования. Невеселые это были мни, но интерес-
ные. Все чего-то знали, но никто не знал, чаго. Киморакис-
сер Гома, решивший медовый месяц растянуть до года, уехал
с молодой женой в Колхуру, как он обещал, и увеселительную,
познавательную поездку по городам и селениям азиатских рес-
публики. Начтов, проговорившись Некароком, что намеревается
основать экспериментальную коммуну в районе Тунгуски, целями
днями и вечерами пропахал то у геологов, то у этнографов,
что из них оставался в городе, и когда он к ночи приходил
дома и все-таки почтимая телефонную трубку, то голос его
был усталым и сонным.

— Что, голубчик, что-нибудь стряслось? — спрашивал он.

— Ничего не случилось, — отвечал К.И. — но мы куда-то
нечезали. И вообще... Объясните, неф, что происходит? Я пере-
стаю понимать.

— А что происходит? — удивлялся Начтов. — Ничего не
происходит. Все нормально. Как Маша себя чувствует? Вот и
дикрасно. Девочки работают? Замечательно. Ты или руково-
дишь? Ну и славно. Руководи дальше. Главное — не давай
им распускаться, и сам не распускайся. Побольше выдумки,
имора.

— Как учебник, неф...

— Какой учебник? — добродушно смеялся Начтов. — Ах,
это... Теория и практика утомления? Ну что же, эта проблема
зреет. Только я, дорогой мой, как-то утратил острый интерес
к этому. Ты прости, но, видимо, привык тебе самому. Зна-
ешь, попробуй увлечь девочек. Дока у них энтузиазм не увал.
Кстати, тебе привет от Марии. Она вчера звонила из Милана,
подняла меня часа в три ночи. Оказывается, познакомилась с
каким-то красавцем-бразильцем и собирается замуж. С ее умом
— для бразильца это вообще смертельный случай. А жена из
нее выйдет славная.

— Учебник...

.. — Так мы же договорились. У тебя самого ума палата да еще флагель, да мазоин, да всяческие пристройки. Ты этот учебник выкинешь и гравчи, в паузе между двумя пульками преферанса. Не обижайся, дорогой, я сейчас отдохну устал, а завтра пень преостает суматохий. Через неделю мне всплыть на место, а нерешенных вопросов — выше головы.

— Возьмите меня к Марии в свою коммуну. Мы хотим на Тунгуску.

.. — Тебя нельзя сразу брать, — смедся неф, — ты испорчен городской цивилизацией и разбалансирован социальным воспитанием. Давай через год вернемся к этой теме. Я приеду, и мы основательно все обговорим.

.. П.Л. и сумасшедший изобретатель были заняты целями днями. С утра они обычно хлопотали вокруг и внутри своей дикой конструкции, которая незамедлительно и неспешно выросла метров на восемь, а вечерами они лежали засиживались в библиотеке.

.. Из ближайшего жестяга тихо подползала разлука и отчаяние, К.М. чувствовал это, и Мария не отпускала его ни на шаг.

— Возьми меня с собой, — полууверенно говорил он. Мария грустно качала головой:

— Не могу, малый, ты нужен здесь.

.. — Кому? Оставшимся от никчемности, закрывшимся бездельникам? Зачем? Продлевать агонию ищущего благополучия?

Мария с гримасой боли быстро захмала ему рот длинными прохладными пальцами, он целовал приложенную ладонь.

.. — Не говори так, ненаглядный мой. Это костоко. Что бы я как бы не происходило, ты нужен здесь. Твоя путь здесь, и ты еще не прошел его до конца. У каждого человека свой путь, легкий ли, тяжелый ли, но его нужно пройти весь, пройти через все.

.. — Разве я не прохожу? Через любовь, через обман, через злобный смак и сочувственное лицемерие, через внутреннюю костоность и внешний извон, через равнодушие и беспартийность...

— Нет, малый, нет. Это все было не то. Это все была

одна видимость. Прикосновение к сущности.

— А ты? Твоя видимость?

— Я — возможность. Вероятность осуществления тебя. От нас обоих потребуется слишком многое, чтобы стать очень пустым. И я должна уйти, и пройти, чтобы вернуться к тебе.

— Я могу пройти за них двоих.

— Нет, мой сладкий, никто ничего не может за другого. Только за себя.

— Мария, если ты уедешь, я умру.

— Бездомный утешитель! Ты не умрешь, потому что даже издалека я буду влиять в тебя терпение жить.

— Я устал. Иногда мне кажется, что весь мир, вся жизнь состоит из болезней, утрат, смертей, потерь, отчаяния. И нет ничего, кроме всепроникающей боли. И галости. И горького своего бессмыслия хоть что-то исправить, хоть чего-то избежать. Если бы я мог стать бесчувственным...

— Это не твой путь. Ещё я бы к тебе не драла... Жарой сегодня вынуждены к Канопусу, а завтра сядем в бессовестный поезд и поедем в деревню. Я соскучилась по матери и Герасиму. Отец Пануфтий хочет тебе сказать что-то интересное.

— В деревне — это хорошо. А Канопус — что мне в нем? Я его только по текстам и знаю.

— Вот вы и познакомитесь. Он человек забавный и легкий. Шутник и острослов.

- 22 -

..
В центре города, в тупиковом переулке, тремя ступеньками выше, в сыром полуподвале, где даже в кару цастовался дикистрембий запах плесени, остановились они перед узкой дверью, орнаментированной по углам витневатым чугунным литьем, — русалки, танцующие на собственных хвостах. Хвост одной русалки был оторван и служил дверной ручкой. В центре двери на фанерке от использования посыпанного яичка поверх блекло-стального крахмального края крупными буквами было написано:

КАНОПУС

29.

ВАКХАНКАЛЬНЫЕ, ГИМНЕЙСКИЕ И ПРОЧИЕ ПЕСНИ ДЛЯ СОЛО И МНОГОГОЛОССИЯ

Мария уверенно вальялась за отогнутый русалочий хвост и за руку виолончели К.И. за собой. В просторном, неровно освещенном зале с двумя большими окнами, панелированными белым струстным недром, стояли вдоль стены старые, обитые кожей стулья, а у другой стены — узкий протяженный низкий стол с инкрустированной стодевянницей и толстыми реаними ножками. За столом кругом против круга, разхлестывая большие зеленые светильниками, скамьи, склонившись над бумагами две духоватые и бесгрунтовые лягушки лет по пятидесяти, в посередине комнаты неторопясь ходил от стены к стене высокий мужчина в пышной царковой девелюре и что-то бормотал, чиркируя длинным, как карандаш, указательным пальцем.

— Записали? — спросил чиркир. — Тогда неехали дальше. Дектуя: мы не загоним в ярость коня...

Одна из лягушек покинла мятое коричневым лицо и сказала:

— Навал Иванович, может быть, лучше так: мы не загоним та-ра скакуна?

— Клавочка, — воспросил Навал Иванович, — а рифма? Скакуна-не хрена?

— Хорошо, хорошо, — согласилась Клавочка и склонилась записывать.

Навал Иванович вдруг заметил вошедшую, близоруко взмотрелся, улыбнулся большим зубастым ртом и стал похож на клоуна.

— Левушки! Гляньте, кто у нас гостьет! Мария и ейный саморитинчи.

Он в один шаг пересек комнату и протянул Марии широкую ухватистую ладонь, а кругом подал К.И. ...

— Марусенька! Кирилл Маркович! Рад. Польщен. Тронут. Наслышан. Весьма. Вы, бывт, прямо-таки врачеватель пум. Кавсь, и я в сию из тягостных минут воспоминался вашей добротой. Неужели не помните? Мы с вами тогда до-далго по телефону разговаривали.

— Всюминте, — сказал Д.И. — Забыл...

— Запамятовалц? Не беда. Нес много, вы — синиц. — Навал Иванович просторно хмыкнулся к стене, легче покинул два та-

дих стулья, плотно поставил возле стола. — Прими присесть. Клава, буйте ложечки, чайку нам с бубликами.

Одна из девушки поднялась и вышла в боковой проход, отгороженный занавеской под цвет обоев.

— Мы с вами раньше не встречались? — спросил К.И. — Вы кого-то мне напоминаете.

— Не как нарочно, — рассмеялся Назар Еванович. — Кого же я напомнил?

— Именно Гому.

— Верно. Была радость Гому пастовать. Это мой племянник.

— Тогда отчего у него на морыше не было?

— Был, но в другой день. Гома весь не съезжал со своего свободу с небольшими порциями гостей. Так же невеста устала фату носить с понедельника по воскресенья.

Мария рассмеялась, и Назар Еванович протянул:

— Бго, баголагу, с детства пугали: вот жениться — уважать, почем фунт лиха. И к этому шагу он готовился, как к поганству.

— Хорошо, если пойдет не напрасен, — сказал К.И..

— Надеюсь. Дела у него славные, смелая и не занудливая. Ничего страшнее земли-закути не бывает. У меня была такая. Вспоминать жутко. Из-за того я и стал поэтом.

— А вена жена... вы ее... убили?

— Зачем? Разве льзя посягать на жизнь? Нет, я доступник хитрее. Я вытащил ее за другого. Гома полтора года искал почхолящего, а потом больше года готовил свою. И ее тоже. Вы знаете, это была самая блестательная выдумка в моей жизни.

— И они счастливы?

— Несомненно. Несколько я случайно их встретил на улице. Он велет под руку моя бывшую жену, и также у него на лице самохвальство — потрясающее. Так я крестился и кланялся им вслед и благодарил небеса за блаженство избавления.

Всюду девушки Клава, толкая перед собой трехэтажный поднос на колесиках. Стала пить чай с золотым сахаром и бубликами с маком. Вторая девушка — ее Назар Еванович ласково называл Русей, хотя называлась она, видимо, иначе — делала молчала и в ответ на обращения к ней скромно улыба-

лась уваженным эстетическим лицом. . .

— И вы привыкли к своему псевдониму?

— Все привыкли, и я привык. Натуральная моя фамилия — Гомофилюс. А псевдоним — аббревиатура с ошибкой. Нужно было Конопус, то есть конторский спуск... Как-то, лет десять назад собрались мы здесь с левушками, они у меня выпускницы библиотечного института, и решили: нам нужна духовная полнота, то есть счастье ищеты. В противоположность ищете счастья, то есть материальной полноте. Изначально было невероятно трудно, — не знали толком ни стихотворных размеров, ни рифм, — прямо вспоминать стихи. Особенно мучились с первым стихотворением, оно так и не получилось. Думайте, левушки?

— Помним, — засмеялась Луся.

— А первая наша строка! Это как встреча с вностью! — воскликнул Левий Кранович. — Звучала она так: неловка безобразность, безобразна нензанность...

К.И. слушал молча, хмурился, умоляясь, зато Мария так и тела удовольствием забыв.

— А первый успех Конопуса?

— Это было фантастично. Первый восьмистраничник про грустнохмелье загнал я у пивного ларька. Левушки стояли цепочкой, наблюдали, а я подошел к очереди и стал предлагать. Протекла картина. Понравилось. Один доклад купил за восемьдесят три копейки. Все, что он мог пить. Дальше — больше. Всех — мы во вкус. А теперь от заказов отбоя нет. Вы знаете, Каруся, к нам в профессионалы, синает, захаливают присмотреть кое-что. Заготовки им проходят. Ну, с этих тузов мы берем по высшему тарифу.

— И платят? — смеется Мария. — Ах, молодцы вы.

— Платят, куда они денутся, когда собственный талант, какой бы, до тва исчерпан. Верно, левочки?

Лава и Луся согласно кивнули.

— У нас на такой случай полная церемония разработана. Я изображаю геннальность, которая страдает чуткой беспечности, а левушки изображают скорбь при виде жертвы клиента. В нужный драматический момент мы делаем магнитофонные записи голосов Пушкина, Тютчева, Нансона. Это действует бесконечно. Еще чью, Карусеньку?

- Если не трущо, еще чашечку.

- Сахарку возьмите... Так и живи. А в прошлом году мы выиграли прем на состязании поэтов в трех из семи видов программы. Конечно, премы наши давали, но пали, вы знаете, как это у них бывает. Но зато удовольствие и мы, и наши друзья получали изрядное. Да что это я все про себя. Как у вас настроение?

- Неважное, - ответил К.И.

- А почему? Работа трущая? Зато вознаграждения. Мы с вами заботимся о тончайшей субстанции человека - о его душе. Вы первым итете. Восстановливаете внутреннее равновесие. А склон за вами я обращу душу к образу красоты. Левушки, я не сильно завирась?

- В самый раз, Павел Евнович, - хихкнула, смущавшись, Дуся.

- Так что все мы почти ангелы, правда? И самый главный ангел - Мария. Когда вы возноситесь?

- Скоро.

- Это прекрасно! - восхитился Канодус, посмотрев с грустью на К.И. - Не печальтесь. Пройдет совсем немного времени, каких-нибудь два-три столетия, и Мария вернется, чтобы никогда с вами не разлучаться.

- Вы полагаете, я выледу столько терпеть? - спросил К.И.

.. - Не сомневайтесь. В вас породистая черта - терпение.. Когда-то, лет четыреста тому назад вам полуникий проклок дал обет терпения, и это помогло ему выжить и закрепилось в последующих поколениях. Может быть, только это и закрепилось, - весело рассмеялся Канодус, и девушки заулыбались.

.. - Я представлял вас совсем иным, - признался К.И. - Здоровым, энергичным. Этаким бойцом, готовым при первом сигнале труби вскочить на коня и ринуться в атаку.

- А нашли меня и двух старых лев, - подхватил Павел Евнович, возвесив ладонь на палец. - Какое разочарование для утешителя! А война, мой дорогой, остается войной от полюса до крыши гробовой. Каждый волет свою личную войну, иногда и не одну. Но все возвят за разное, - кто за честное, кто за грязное. Езжайте за невольную рабину - привинка.

Днотка в магазине невольно начинает в рыдаму, ничего, терпят, даже без очереди пускают.

— Павел Иванович, — попросила Мария, — на продаже что-нибудь для меня.

— С удовольствием, Машенька. Ну-ка, Луся, посмотрите, что у нас на сегодня? Так, благодарю. Нет, это не годится, это для солдатских писем по двугривенному за строку. Разве это? Снять какие-то казарменные мотивы. Ну, Клава, и выражений у вас! И где это вы все побываете? Ага, камак. Вот это, Машенька, как будто специально для вас. Клава, бульте дядевым, дайте мне один конверт, «в», именно этот.

Канодус вложил в конверт листок плотной глянцевой бумаги, из которой обычно делают визитные карточки, и показал Марии.

На улице, на трамвайной остановке, в свете витрины магазина К.И. вытащил листок и прочитал:

Пусть ляжет выбор прав и светлых,
нечаль мой. Благослови
тебя Господь на белом свете
на новый истинной любви.

- 23 -

Мы разучились боязно любить,
Схолить с ума в отчаянной разлуке,
Берить цветы и горечь счастья пить
И царапать возлюбленные руки.

В жизнь нас расставала по углам
Лечь огрызки виленской улачи,
Пыль собирать, ходить ветхий хлам,
Плюхнуть вранье и утешенья хлянчить.

Мы не загоним в дрооти коня.
В полете за украинкой побежой,
И безрассудство выбора кляня, ..
Никто за нами не протопчет следа.

Канодус

34.

Лурдой сон вокзала. Грязь запах вагона. Дунущие, соплящие, хранившие с закрытыми глазами ярки. Шпорное басуние колесного стука. Заспанные проволники, которых будто бы неизвестно необходимо пастить из конца в конец поезда. Бесцельное ускользание грязных от ходоты телеграфных столбов. Канурующие, как похоронны, стоянки у каких-то накуенных станций. Снование работных лягей, изображавших производительность труда. Низкое, напряженное влаги серое небо в черных пятнах скапливавшейся волны. Марека деревоз в отчаянии вскрикивает: "туха-а-а!" и, будто уходя от потоны, рванся вперед сотней изменивших колес.

Весь ночь Мария дрожала на плече К.И., пытала ревно и мирно, ипотка вдруг вышла из возбуждения, и потом произнесла короткие незетомые слова, и всю ночь, не переставая учиненно разговаривать, он смотрел на ее лицо.

Все было как вечность тому назад. Обваренные известью толстые колонны вокзального строения. Бутафорский забор. Еще живые, но от них вялые, занюханные лодухи. Маленькие. Одинокий косильщик с тележкой, он же по совместительству лавочник и сторож. Грузовик с распахнутыми дверцами кабин и свисающими ногами спящего дофера. Телега Герасима, та же, но вместо автомобильных сидений небросано сено, накрытое выцветшим вытертым брезентом, и стено колесо новое вместо прежнего, хромого, и мерни, осоловевший и слуравший от хари, размеренно хлестал себя по бокам укороченными кособокими хвостом.

— Лерекия замирает, — сказал К.И. — И в будущем все деревни огородят бетонной оградой и станут показывать туристам: вот Герасим, вот его мерни, вот их общая телега.

Герасим, увидев Марии, зашагал радостно, принял ее со ступенек в широкие ладони, поставил на землю, широко улыбаясь, потрепал по плечу, подхватил показый братом дуватый рывак.

Мария взбила сено, легко прыгнула в телегу, пообмыла спиной брезент, с наслаждением вытянула ноги и закрыла глаза, поставив лицо винодкому безоблачному небу. Герасим подобрал вожжи, мерин навсегда тронул с места.

Были долго. Корога была гладкая, пыльная. Тонкий прак

земли вскальпами поднимался за колесами и долго не осечь. Настойчиво отскакали кавычки кузнечики, и ни человека, никого другого впереди, лишь скрип колес к осей, глухое чмоканье конят, потом вдруг неожиданный долгий писк девичьей птицы, и снова безмерная и бескрайняя тишина околовенного солнцем мира.

Часа через полтора показались дома и заборы среди редких деревьев. Слуху-то с истомным треском выкатил трактор с большими задними колесами, остановился, и круглая голова в холле высунулась из скамки.

— Здорово, Герасим! — прорыдал тракторист. — Кого несешь?

Герасим жестами показал, что везет брата и его бабу, и трактор сорвался с места, оглушенный. К.И. рассмеялся:

— Наша деревня — особый мир. Здесь принимается все, и все принимается спокойно. Есть извечный, неотъемлемый, неуничтожимый порядок смены и перетекания состояний и событий. Все знают про всех. Даже если ты в доме, за стенами, окнами, каждый может в любой момент сказать, чем ты занимаешься. И при всем том — никакого злорадного любопытства или удивления. На всякую неожиданность готов ответ: ну и что? Если бы мы сейчас привезли за телегу "Бомб" и тащили за собой, Коля-тракторист, может быть, и не заметил бы или из вежливости спросил: "Чего везешь?" — "А вот, ерзали на-вали." — "А-а, ну ладай, тащи, в хозяйстве пригодится". Здесь все слушевлено, и самые язвы по разным причинам вокруг начинают вести себя как живые. Коля-тракторист несколько раз упускал свой трактор. Во хмель, конечно. Со скорости не сидишь, дачишают заводить. Рвалет за трое пускатели, трактор заведется, толкнет Колю с катушкой, и — помчал часать по дороге. Проклят летом трактор ушел через поле в лес. Правда всей деревней искал. И, или в болотине. Говорили, трактор хотел утонуть, да бензину не хватило.

Телега свернула на широкую улицу и покатила среди домов. В конце улицы винка с пустыми ветрами Катерина, подстегнула ветро под кран колонки. Выжев пользевшись, иссмотрела, заслонившись от солнца, потом надела рукоять на тугой рычаг, и вода со звоном ухаркала в ведро. Была мать, и пер-

хась за калитку, прислушивалась. Улыбнулась, угадав знакомые звуки, — развалистый скрип телеги, стук колыт и сопение мерина, и пошла навстречу, твердо ступая черными плюшевыми туфлями. Мерин потянулся золтыми зубами к ее плечу, она ладонью щепетула его по морде, он потянул головой, обиженно моргая крупным фиолетовым глазом.

Каряя сбежала с телеги, потоскала изогороваться, подцепowała в цеку..

— А синий где? — спросила склоняясь.

— Здесь, матерь, здесь я, — рассмеялся К.И. — В стороне, как отразанный домоть.

— Ель-ка сюда, домоть. — Мать склонила его голову легкими сухими пальцами, провела по лицу, щекам, ушам, скучам. Ель, осунулся, — сказала она, недовольно поджимая губы. — Думашь через силу, голову ломаешь, а зачем? Через розы не переступить.

— Знаю. И уши выше лба не растут.

Вечером пришли гости, — Катерина с мужем, забежал Конь-тракторист, зустрый и нетрезвый, посажен за столом, хмурый, винные виски и уши; позже приехал на старом "запорожце" о.Пануфтий, серыешие, улибчивый, светлый, привез кусок кончакового окорока в серой холстине. В светской одежде о.Пануфтий походил на академика прежних времен.

Пили и закусывали склерами, говорили неторопливо, — о том, что рыбы в сазере стало мало, что гриб в эту осень должен быть крепкий и обильный, если смотреть по колосовицам, что корова у агронома молока пьет извиваясь как много, да и яблони у него ломаются от яблок не потому, что хозяин агроном, а потому, что баба у него ворожет и лечит буйто бы от колудка и бесплотия, и даже в прошлом месяце какой-то начальник на черной машине с нулями привозил к агрономовой жене некую-то молодую, не то почку, не то еще кого, что most через обрат к зиме обвалится, если его не отремонтировать, что пренеселатель договорился вывезти с городской новостроек несколько двухэтажных деревянных домов и в зиме поставить собирается коровник для молодняка, что зимой снove

станут захватывать волхи, как это было летомними годом, что в садцентре по весне заведли три японских кебельных гарнитура по сорок тысяч и в кепель пронзли целиком...

Несколько дней утекли неслыханно несущимися боярдом. Наряд утром просыпалась ранние всех, с первыми лучами солнца, брызгавшими в окресты квадратного окна, устраивалась на подушке зориме, лицом к солнцу, ухмыбалась, прикрыв глаза пухлыми, выгоревшими на концах ресницами. Быть-таки, когда поднимавшееся солнце накроет сухим теплом нос, губы, потбородок, Мария неслыханно выскальзывала из-под дивана, стояла у постели, оторченно цокочивая головой, глядя на лицо Х.И., сурое, скованное трупным сном, затем соторознико и мелленко, не касаясь кожи, проводила над его лицом узкой своей ладонью, сняла напряжение и стряхивая, как паутину, на пол, и удивляя, что лицо расправляется светлым покоем, Мария, уловившая ее, заложившись в халат и босском по красному полу выходила во двор. Ставила самовар на широкую в трещинах низкую колоду, прахматизала коротких, липких от смолы дурек, возжигала лучинку, погаснувшую в трубу горстку чурок и, дав разгореться, присаживалась на корточки и, змурясь от солнечных блесков, ровно и сильно туда в зольник. Солнце, вскинувшая, со скользыванием с бровей самовара, прокидывая трубы, взмыла тутой волнистой рыбьи, нагретый воздух, вспыхнув кругами холода у ног, обметывая щекочущей перстенью голые лопатки. Затем неслыханно позяблась мать без палии и с пятилитровым бидоном. Наклона утре она ходила за молоком на соседнюю улицу через восемь домов.

— Гавайте я сходу, — предлагала Мария.

— А я что стану делать? — усмехалась быть неподражаемым лицом, затем точным движением распахивала кипатку и безошибочно уходила. Башка уклонялась слегка, но лениво пробежав немножко, стrectягивая возвращалась, сидяясь наполовину от самовара и, сузив зрачки, неслыханно смотрела на красные угли.

Вечером после заката ходили к озеру. Вода в эти дни стала довольно холодна, но Мария не ощущала холода и не покрывалась мурашками. Она через голову снимала такелаж хол-

щевое платье, бросала на низкие курти и, ярко белая холстом телом, уходила галечко по мелкой воде. Блазала она быстро и как-то странно, — без брызг, не покинув руки над водой, а двуловыми движениями тела и ступней проскальзывала в воде, то уходя в глубину, то через полминуты появлялась на поверхности.

К.И. не удивлялся, он верил, что Мария в давнем своем бытии была сначала рыбой, затем птицей и, став женщиной, сохранила навыки прежних существований. Он садился на пучковатую зелено-бурую траву среди песчаных проплескин, зурил, смотрел, как на другом берегу озера над низким темно-серым лесом тает последние слоны заката, и ждал Марии.

Она появлялась из воды, ила чуть наклонившись вперед, опустив драмые руки и расталкивая ногами тяжелую удругую воду, подходит к нему и, смеясь, прижималась колотым мокрым лицом.

— Задался, жалю? Скучал?

— Да.

— Вода — другой мой дом. Но, я возвращаюсь к тебе. Ты — мой самый важный дом. Без тебя я просто бесприютная бродяжка. Без тебя все мои стихии — темницы.

Уезжали они в пятницу утром. В цивильном свитере, я расчесанной во весь грудь бородой, с приставленными лампадным маслом остатками пегих волос, прихватил на "запорожце" с. Пануфтьи и вывезлся отвезти на вокзал.

Прощалась, мать паруг скривилась, из извилистых глаз выкатились иутные слезы. Мария тихо гладила ее голову, прижал в груди, и в больших глазах темнела бездонная стоячая печаль.

.. Ехали той же дорогой. И, краем деревни их обогнал сумасшедший трактор с горчащей в оконке кашкой.

— Пануфтьи, куда ехать — кого везешь! — выкрикнул тракторист и, не покрывшиесь отзыва, рванул с места, взорвав большими колесами облако прибитой росой пыли.

— Вот беспутница! — смеялся с.Пануфтьи, крепко держа руль темными в морщинках пергаментными ладонями. — Они все такие. И отец у него такой же суматохный был, и дед. С его

келом Нес в плащах отинаково ленивой грязи в прихорской школе. За табак и за краху просвирок. У них все мужики в роту такие — как на пожар летят. Это холи выбирали степенных, таких, красивых.

— Прежде женщины были красивы? — спрашивает Мария.

.. — Они всегда были красивы, — о.Пануфтий смотрит на сильную руку Марии и, наклонившись, в зеркало встречает взгляды К.И. — Красота — круглая била. Жизнь меняется, и красота изменяется. Сейчас я лица — страшные, и в душах — хоть даром покати. Просторно и пусто... Вот вы живете в городе, там и пристретесь. На всех лицах — усталость, резкость, напряжение. Когда я приезжаю в город, всегда пугаюсь. А какая, прямо-таки сатанинская злоба в глазах... Значит, и в сердцах — то же самое. А гордость! Если себя назовут единственным сыном и единственной дочерью Отца нашего...

— А, может, это и к лучшему? — спросил К.И.

— Что — к лучшему? — о.Пануфтий строго взглянул в зеркало. — Злоба? Бездумие? Это же к лучшему? В мои времена и помыслить не могли — чтоб молодые обливали старика и пинали ногами... А женщины с метлами на улицах? Раньше только по полицеекому избраннию вивочили женщину поплескать улицу, а сейчас? О, Господи, нет мира в костях иных от грехов иных...

.. — А, может, это и к лучшему? — спросил К.И. — В душах идет осознание себя, обретение, рожденное новой чуки человека...

— Предняя чука — плоха быть?

— Когда-то материализм запрещал чуму государству и губах дор выкупить на в состоянии, — то заплатить начнем, то еще круглая некостача.

— Чума... да. Се, творь все мое! — сказал майор Федор о.Пануфтий. — Пропасти, пронасты отгелиющие, отвергавшие....

— Человек по природе своей отинок, — продолжал К.И. — Из праха — в единчество, из единочества смыть же — в прах. Одни короткий миг горения, но им не выветрить тьми. Она расступается ненадолго, затем вновь смыывается. Что можно успеть в такое стремительно угасающее время? Себя понять, и то не до конца. Приходит исполнение, уходит исполнение...

— Ох, гордия, — вздохнул о.Лануфтий, — ох, себялюбие... Любовь — соединяет. Не для себя, а ради брата своего, ради сестры своей. Стремись себя к возвышенный крест свой. Бог есть любовь...

— Да. Бог есть... Где? Если впереди, тогда нужно жить правильно, исполнить все по единой заповеди как единую нераздельную заповедь, а кто на это способен? Я понимаю. Всегда ближнего, как самого себя. Всегда ближнего, как Бога. Всегда ближнего, как самого себя. Всегда ближнего, как Бога. Зачем? Чтобы получить за труды райское блаженство? Но спать же — для себя блаженство. Вот тут и пришли к остановке. С себя начали и собой кончали. Человек — существо условное, он принадлежит не себе, а условиям, в которых существует. Если Бог — внутри меня, и через меня является свет свой, тогда во мне — гордия, вечноное хоккество. Если я — никто перед Богом, тогда я — ничтожество, а?

— Дурак ты, софист...

— Нути моя такие, — рассмеялся К.М. — окружение, скрестные. Но я не против Бога.

— А ты испытай — быть против...

Не доехав до станции, о.Лануфтий заглушил мотор.

— Не возражаете пройти пешком? И, любезные вагонцов, — тихо сказал он. Вышел из машины, темнолицый, ухватил халочный берет, прошустрил в горсти. — Прощайте, пати моя.

— Мы еще встретимся, — сказала Мария.

— Не успеем здесь, — серьезно сказал о.Лануфтий, — потому ущербные, душа истончается... Я стану молиться за вас, Мария, и за него. Спасайте его. Только вы и можете...

К.М. вытащил из машины рюкзак, закинул на плечо, покаял протянутую сухую легкую руку, посмотрел в бесцветные, как прудленное небо, глаза.

— С детства меня мучил один вопрос... Е на передне говорили, и сам я соглашался... Правда ли, что в юности моя мать и мн...

— Не надо об этом...

— Простите...

Уходя, К.М. очнулся. Старик стоял у машины, убрал руки за спину, и смотрел вдаль. Казалось, он скрывает еще какое-то последнее, сокровенное слово.

Линая музика души
По мотам - пестроте сознаний -
Растет, волшуется, спешит,
И против истин грешил,
И неравнодушность мучит.

Прозрение - высшая пора,
Но в каждой частности - звонкое
Существо,
Такая темная игра, -
Согласие, сестричество и братство
Общеменность - изумление,
И жизнь, летящая во сне,
Как тонкий луч, проходит мимо
И угасает в тишине.

Канонус

Изобретатель привередливый острый рассказатель, бросил книгу перчатку электропровода, покиняя от лица щелок и, пытаясь, осторожно спустился с лестницы. И.И., Мария, Зойка и немногие ветвики столли рядом с кораблем и ватиками.

- Все, - сказал с торжеством изобретатель, оглянув ярконо корабль.

- Покрасить бы, - проговорила Зойка.

- Зачем? Краска обгорит при замете.

- Бронзовой краской, - сказала Зойка. - Я пряталась с работы распылитель, и за час мы его выбросим.

- Давай, Зойка, выблескивай, - рассмеялся изобретатель, распуская кирокие, заросшие коричневой щетиной щеки. - Все, девочки. Готовьте консервы. В пятницу отправляемся. Все. Я ишох спать.

Было проводили благодарными взглядами.

Отлет назначали на пять часов утра, и хотя корабль был скомпилирован и снабжен всем, что необходимо, - запасом топлива, теплой одеждой, медикаментами, мешками сухого провизии.

это мяса, брикетами прессованной хлореллы и еще множеством других, полезных в короте звезды, — все равно астронавты и никто, кроме, пекахуй, Зории, призывающей засыпать рамо и пробуждаться с рассветом, — никто не спал.

Мария, тихая, задумчивая, воззмешенная, тоже не могла уснуть, вставала с постели, подхалила к окну, смотрела вниз, на пустыню. Натянутый метровый сахарообразный корабль блеск как золотой. Рядом с ним склонил на перевернутом картофельном диске милиционер и в свете пожарной на востоке звездочки, — киловаттной лампочки, читал книгу, позаимствованную у П.П. на время ночной лекурства. Время от времени милиционер, давленованный чтением, вскакивал и прикасался кругамиходить вокруг корабля, затем снова сажался на ящик, натянув на брови козырек не в размер маленькой фуражки так что на затылке торчались волосы и, ухватив пальцами щеки, прижалася книгу, с любопытством вплывалась в текст.

Мария, насмотревшись, уковытвированная, возвращалась от окна и проскальзывала под спальней.

— Ти молчи, — жалоба она, придвигаясь лицом к щеке К.И., — ти ничего не говори... я за тебя все скажу... Пройдет чуть больше времени, чем обычно, и я вернусь... Два-три года, — смеялась она весело, тонким выханем, — или двадцать-тридцать лет... Но ты же, малый. Я обязательно вернусь... В тебя, мой дом... И я вернусь не одна...

— Знаю. Ребенок...

— Молчи, малый, не говори, иначе спутаешь будущее, — она положила мягкую прохладную ладонь на его закрытые глаза. — Сейчас ты увидишь... Это не странно... Это всего лишь простое пространство...

.. К.И. лежал с трудом, ощущая тяжелую черную печаль на сердце, и от этого смылся, освободясь, вырваться, оттолкнуть. Потом он увидел, как на встречу ему словно свет в темноте искосся льгистая неощутимая дистанция. Ушатать стало легче, а потом он вовсе утратил представления о движении, только чувство освобождения, невероятной скорости, и ухасающая радостная логанка о неком-то мгновенном непреложном членении во Вселенной, и все прежние страхи, волнения, суетная тщета, мучительные мысли, несущественные желания,

все это осталось странно плавко, плавки, а на встречу и мимо ила и скользила насыщенная тонким матовым светом неодушевленная пустота.

Он ощущал и понял, что настало время.

Мария, спутая, причесанная, безнадежно красивая, сидела рядом с ним на постели и смотрела ему в лицо.

— Пора? — спросил он.

— Да, милый. Хочешь поесть?

— Нет, потом. Отберусь, я съенусь.

Она отошла к открытому окну.

— Та звезда еще не моргал? — спросил он.

— Нет, она идет.

— И ваш корабль не украдли?

— Нет, там стоит И.И. и Зойка и беседуют с миллиционером.

— Про Зойку я сомневаюсь, зачем она летит? Изобретатель — проверить конструкцию, И.И. — из любопытства, ты — по важному делу, а Зойка?

— Это понятно, — ответила Мария, — у нее мужа посадили за кражу, ребенок в перевязке у бабушки. Вот и одиночество. Она к нам привыкла и без нас не будет знать, куда себя девать. Еще и вынуждать начнет. Уж лучше — с нами. Ты готов? Пойдем, милый.

На пороге Мария долгим серьезным взглядом осмотрела комнату и сказала:

— Часть себя оставил здесь. Чтобы знать, что с тобой происходит.

Они вышли на лестничную площадку. Кто-то накануне зажарил все лампочки, и влажный предутренний свет с улицы едва-едва освещал грязные обкусанные ступени.

Милиционер встретил Марью такой откровенной улыбкой, будто он сам ушел, а все остальные его провожали.

— Ему бы успели прочитать? — спросил К.И.

— Конечно, не успел. Но мы с Прасковьей Прокофьевной договорились, я завтра книгу по их возвращению.

— Ну, нравилось чтение?

— Разумеется. Это "Людики по Финистану". Такие вещи

обыкновенно читает в юности, но вся юность так стремительно пролетела...

— Никогда бы не подумал, что милиционер станет читать "Динстаган".

— Я не милиционер. Я математик. И с братом очень похожи, только я без усов. Он попросил меня подкурить, пока он свою девушки свозят к морю. Это сразу можно было заметить: на мне фуражка не по голове.

— Вот ведь как, — сказал К.И. — А я подумал, что у вас голова помла в рост.

— Что вы, — улыбнулся милиционер. — Я математик, а у них формирование черепа завершается уже к двадцати четырем годам.

— Спасибо, теперь буду знать.

Где-то наверху корабли с язлом откинулся люк, и голос неразличимого изобретателя взятое произнес:

— Девочки, пора забираться — время. Ещё не вояжем в воздушный коридор.

Изобретатель головно рассвирепел и, видимо, никак какую-то кнопку: внизу корабли откинулся кругой люк, обозначив ярко освещаемый круглый лаз.

— Давайте прощаться! — скомандовала П.П., покосившись на К.И., протянула руку, энергично трахнула. — Работайте, годубчики, и не кисните. Только работа, упорный труд, каждый день и неостановимый, избавляют от пурпурного настроения и пурпурных болезней. Помните нас. И, кстати, когда будете заниматься квантами на квартплату, то мой холя за места общего пользования лежит на кухне в ящике с ложками. Ну, еще раз спасибо. И — до свидания.

Покосила Зойка.

— Ей извините, — сказала она, протягивая ладонь козырком, — я целоваться не буду, от меня луком пахнет и валерьянкой. Я увеселенная трусишка.

— Тогда не улетайте, оставайтесь.

— Ну ха, — застенчиво улыбнулась Зойка, — вы же знаете моему дали тропки общего ремня. Так что лучше уж я налечу.

— Скоро вы там? — позвал сверху изобретатель.

— Чего кричать? — ответила Зойка. — Не видеть, лады!

проститься надо.

Зояка потянула за руказ Н.Л., что-то съединившей магнитонеру, и они направились к лазу и, помогая друг другу, прокутились внутрь.

— Ненаглядный мой. Единственный мой. — Мария осторожно гладила пальцами лоб, брови, закрытые глаза К.М. — Ты не смотри мне волен, не надо. Не открывай глаз. Я еще немного постою с тобой. Вот так. Пусть тебе всегда будет хорошо и никогда не будет плохо.

Она стояла, говорила и легко касалась его лица.

Раздался тугой тихий лязг. К.М. открыл глаза. Марии не было. Айк в корабле был закрыт, и по земле стлался густой черный дым..

— Отойдите в сторону. — Матадигвестик в спешной набежке фуражке стоял рядом и крепко беркал К.М. за локоть. — Так близко нельзя.

— Нет.

— Да, — настойчиво сказал матадигвестик и решительно и сильно потянул К.М. в сторону за ограничение.

Дым внизу корабля стал еще гуще, зарос, показались короткие языки пламени, земля под ногами прогнула, послышался нарастающий трохот и пронзительный скрежет, корабль начнулся и занес над землей, медленно отодвигая ее от себя, и начал осторожно возвращаться, опиралась на столб света огня, потом толчками стал набирать высоту, — пять, шесть, пятьдесят метров, — все дальше и дальше отталкивая землю и, наконец, развернулся и стал дрожать, оставляя за собой короткий желтый светящийся след.

— Вы слышите? Очищаетесь! — матадигвестик тряс К.М. за плечо. — Я вам полчаса кричу. Пойдите.

— Куда? — тупо спросил К.М.

— Домой, вот куда. Красковый оставил мне ключи от комната. Там у него бутылка заготовлена, может быть, не одна. Мне нужно вас нанять и дежурить рядом не менее сорока восьми часов.

— Нет. Не было.

— Было. Все было, что должно было быть. Я матадигвестик и я все знаю. Прекращаю не сопротивляться. Соединение хаос в мор подъезду. А вы, помни. Так. молодцом. Теперь следующую ногу. Чудиенько. Еще разок. Вот мы какое. И еще разок. 46.

Всю ночь напролет, то сплетаюсь, то отвергая, басновались ветер и дождь, и к утру, когда все это прошло, как пробуждение от комы, улицы стали покрыты липкими ярко-желтыми и каррично-красными листьями, бунтовскими листовками осени. Некадало потеплело, распояснулось, полоскало, и решительно и самозвально увернулась та благородная хрустальная пора, когда и в природе, и в собственных мыслях, и в чужой книге видно далеко и не больно, — в прошлее ли, в будущее или вообще в чистую прятченность.

К.И. избрал шифр замка на двери конторы и вошел. Сидевшая за столом утенительница Лена резко, с испугом вскочила лицо от толстой книги к покрасневшему.

— Давайте, — сказал К.И. — Мне подумалось, что сегодняшний день по графику не занят, и я зашел покурить. Трихнуть стариной.

— А я уже закончила работу и застегнулась почитать.

К.И. увидел знакомый фолиант и улыбнулся.

— Правится граф Голстейн?

— Да. Он успокаивает. Смягчает. И с газочками в служебном чуланчике собрали небольшую библиотечку классики, принесли книги, с которыми у какой-то из нас связана какое-то милье, приятные воспоминания.

— Интересно. — К.И. сел на стул, опирался спину, положил на край стола, запоинь прядками волосы. — Но-такому, классика — это то, что смягчает?

— Не столько смягчает, сколько расправляет, — старательно объяснила Лена, сморкавшись воспухшим носом и смешно щуря брови. — И тогда каждый винит на себе свой рисунок. Что в его судьбе изображенено. Вы знаете, современный человек — это существо, спорящее от страха или илличества. Жуна его смердилась от обиды. Читаемые популярные сегодняшние книги, и будто ручей гной струят автор. Его герой либо почтенный, либо хам, либо погодки. Как будто соглашаются, что человек — илличество, и исследуют это илличество во всех его проявлениях.

— Вы, видимо, расправились? В какой рисунок в вашей судьбе?

— Профессиональный у нас разговор, — рассмеялась Лена.
— Поговорим, как утешитель с утешителем. На мне четкого рисунка пока еще нет. Так, контуры какое-то. Графическое изображение глиссера.

— Глиссинг — это много.

— Да, и мне самой кажется лучшим, что во мне есть. А ведь большинство наших неутешенных клиентов — люди, утратившие движение, а это — начало распада, загнивания, усталости и тоски. А глиссинг — тоже движение, но медленное. В эти дни я как раз и пытарь в разговорах по телефону угадать направление остановленного движения человека, будущее направление, и чуть-чуть наведиуть его в эту сторону. Я, наверное, глупости говорю?

— Нет, все правильно. Начинае совершение точно набирает компанию.

— Еоф уехал?

— Да, все разлетелись, разбежались. Только мне разбататься некуда. Непонятно, в какую сторону. А хотелось бы... Иногда, кажется, так бы звали бы да как бы разбежался бы... Лена снова рассмеялась.

— Наши девочки, да и те, кто вас хоть немного знает, считают вас счастливым человеком.

— Правильно, я и есть счастливчик. Знаю, что счастье есть у меня, счастье, помире, какое оно, но забыл, куда его положил. Иногда позарез бывает необходимо. Понадень, понадень, да и бросишь: ладно, в другой раз.

— У вас есть замечательная "пруха".

— И ее нет. Я полсунух "пруху" Марии, и они улетели.

— "Пруха", действительно, вам помогала?

— Еще как. Во-первых, настроение. Оно всегда было приподнятым над суетой. Во-вторых, "пруха" пару раз помогала выигрывать в спортлото. Вы напрасно смеетесь.

— Я не верю в чудеса, в чертовщину и всякое такое. Но поколение сравнительно с нами что-то утратило, может быть, это утраченное было романтикой. Или искренностью. Не знаю, точно не могу определить, но чувствую: моему поколению чего-то недостает. Способности улавливаться? Всеобщих ценностей? Но зато мы обрели нечто более весомое, — меру

вещей и людей.

— Деня вместо ценностей? — спросил К.И.

— Пусть так. Но это помогает нам выйти на тот срок, что нам отпущен историей...

— У вас мужской склад ума, — сказал К.И. — Почему?

— Состояние страха, в котором все мы живем, иссушает эмоции. Остается трезвость, расчет, злорадный смысл. Трезвость способна поверить в случай, но не в чудо.

— Но ведь случай, Деня, как раз и есть граница, отделяющая реальность от чуда...

— Да, но этого последнего шага так и не сделать. И знаете, почему? Не потому что странно, а потому, что в ситуации чуда человек должен быть иным. Вы понимаете? Совсем другими. А быть другими мы разучились. Если никогда не были научены.

— Вы-то сами еще не потеряны, — сказал К.И. — Рисунок судьбы...

— Наконец. Это моя единственная надежда. Не последняя, а просто единственная, вы понимаете? Другой — нет... А погоду, пожалуй.

— Да, да, — хмыкнул К.И. — Пожалуй, я поскольку здесь до склонувшего утра.

Деня встала из-за стола, сняла со спинки кресла висящую на ремне сумочку и принялась собирать разбросанные на столе вещи, — зеркальце, помаду, тушь, запихнув книжку, кое-какие бумаги.

— В чулане стоит белая кастрюля. Яйца, тушенное со своей картой. Ниццу в столичке печенье.

— Спасибо, — говорит К.И., внимательно наблюдая, как девочка поправляет волосы, отодвинув синюю и набившую в зеркало, затем снимает с немалки плащ, складывает его и перебрасывает через руку.

— Вот и все, — говорит она. — У вас усталый вид. Не спали?

— Да. Время сместилось, и теперь ночью не уснуть, а днем ходить, как сонная рыба. Ночью большая синяя звезда непрерывно смотрит в окно.

— Я понимаю. — Девочка стояла перед мной, склонив руки

иа, лежите и прихоркните сунечку и плащ, красный, с черной подкладкой. — Вы знаете... я хочу вам сказать... если вам станет совсем тяжко — звоните мне в любое время. Даже ночью. У меня телефон стоит у кровати, и если я чую, и сразу включусь в разговор. В конце концов, должны же мы помогать хотя бы друг другу.

— Спасибо.

Она подошла к двери, обернувшись:

— Сегодня я попытавшись поговорить с вашей звездой.

Оставшись одна, она походила по комнате, постояла у стенной газеты, которая называлась теперь, с приходом новых сотрудников, — "За полновесное утешение". Колонка "Вести из-за бугра" была пуста, но наискосок синим фломастером рукой Веры было написано: "то же самое, ничего нового". Но зато "Советы учителя" стали больше вдвое, и левушки разились на бумаге, кто как мог: "если тебе тяжко, вспомни, что другому еще тяжелее", "будь счастлив, все равно от этого ничего не изменится", "терпи и дай терзать другому", "если тебе некуда кататься, или помой", "не давай волне воспоминанию, иначе от него не избавишься", "обжими ближнего, как самого себя"...

Он открыл окно и выглянула в обнесенный высоким забором пустой просторный двор. Густая трава покухла, поклала, сникла, но местами под солнцем резкими изумрудными пятнами вспыхивали листья травы сирек, успевшей в осени прорости еще раз.

Он вернулся к столу, сел в кресло, положив раскрытую на последние страницах книгу графа Толстого, прочитал:

"Все истории отличаются один от другого во взглядах на причины и результаты событий. Одные истории, описывающие жизнь целых народов, считают, что составная величина многих усилий как раз и производит с неизбежностью необходимый результат и что будто бы по этой причине всякий человек может своей волей повлиять на ход и развитие прогресса. Частные истории, напротив, признают, что массы народов никаким образом не влияют на историю и что вся, так называемая история то есть последовательность и совокупность фактов, есть результат усилий великих людей, исторических деятелей. Третью

истории, призывающие себя одновременно и общими, и частными учениями, движущей силой считают материализм, отношения между людьми в народе, совершенно исказившее божественное участие в делах человечества, и нравственный закон, содранный и опровергнувший все поступки отдельного человека"...

- 26 -

Он проснулся рано резко, как от толчка. В комнате было темно. На раскрытом окне свободно к широку перекидалась сухая осенняя прохлада. По темно-зеленому небу то накривая, то выпуская хантийский пар, плыли острова юдолетовых облаков. Только в том месте, где пульсировал, будто лыкала, кружная сияния звезда, все сверкалось ровным розовым светом.

Телефон звонил давно. К.И. обтер затыльник лицо, поднял трубку и услыхал спавленный риканьями голос.

- Кто это? — прокричала какая-то женщина. — Кто это?

- Здравствуйте, — спокойно сказал К.И. — Вас слушает утенитель.

- Наконец-то! — всхлипнула женщина, затем выморкалась во что-то и вздохнула. — Я четыре часа звоню во всем номерам, какие попадаюся, и никто не отвечает.

- Я вас слушаю, — мягко сказал К.И. — Успокойтесь и рассказывайте.

- Вы... ничего не знаете? У вас нет радио?

- У меня нет радио и я ничего не знаю.

- Какой сегодня год и месяц? — спросила женщина и, услыхав ответ, снова зарыдала.

К.И. вытеркал паузу и осторожно вздохнул.

Отрывав, голос сказал:

- Я провела в летаргическом сне больше двух лет и только что очнулась.

- Поздравляю, — изумился К.И. — Вы получите по больничной книжке кучу денег и сможете устроить отличную парижскую с дружинами.

- Вы... не записали на пленку? — осторожно спросила женщина. — Вы... не робот?

- Отнюдь. Я живой утенитель номер четыре.

— Вы... не сумасшедший?

— Разве что самую малость.

— Вы, действительно, ничего, ничего не знаете?

— Да я спорю от любопытства. Что же произошло?

— Все погибло! — кричала женщина и зарыдала громче прежнего.

— Так-таки и все? — вставил в паузу К.М. — Их-то живы?

— Это ошибка. Случайность. Все люди, животные, птицы и насекомые погибли.

— Абсолютно! — рассмеялся К.М. — Расскажите поподробнее. Соберитесь с силами и говорите без слезных пауз.

— У меня в реанимационной палате, — сказала женщина, — включено радио. Работает датчик трансмиссионного сейсмического центра. Он сообщает, что в результате катастрофы на каком-то химическом заводе в Европе произошла утечка газа и начался спонтанный неуправляемый паралич ионосфера. Он охватил все континенты. Надежда есть, чтобы кто-то остался жив.

— Одну минуту, — попросил К.М. — Помилуйте, позалуйста, телефонную трубку подайте к линиику. Я должен сам убедиться.

Дамщина на своем конце телефонной связи поднесла трубку к радио. К.М. услышал, как датчик размодулирует неразборчивую информацию.

— Достаточно, — сказал К.М. — Где вы находитесь? Так... Понятно. Вы можете выйти? Окно? Нет, это высоко. Электричество действует? А если все-таки попытаться выйти в коридор?

— Нет! — в отчаянии зарычала женщина. — Мне страшно. Они все лежат. Я сойду с ума... Я не смогу пройти по мертвым улицам.

— Да, это понятно. Не перестаньте кричать... Сколько вы сможете продержаться? Часа? Час? За это время я успею добраться до вас. Нет, раньше не получится.

— Поможите, — нахально попросила она и заплакала совсем слабо, тако, как ребенок. — Поможите. Если вы повесите трубку, мне станет еще страшнее... Мы остались одни на земле...

— Вы преувеличиваете. Наверняка остались еще и еще живые люди. Не может быть, чтобы все... Нужно выбирать: или

и осталась и разговаривая с вами, или я собираюсь это это, и мы вместе начнем искать оставшихся... Решайтесь...

— Хорошо, — сказала она еще слышно. — Я буду ждать.

Он положил трубку, включил настольную лампу, и от стояла рванулись темы темноты. Затем он аккуратно закрыл окно, положил к решетке, снял и начал плакать, застегнулся на все пуговицы, закрыл голову платком и направился к выходу. Помедлив, пытался пожаловать спрятать рушащийся страх, и открыл дверь в безмерную, отдающую тишину.

oooooooooooo

книга третья

- 27 -

Аналитик напоминал Гоголевского Неструева, — был высок, толстоват, но не рыхлой толстоватостью, произвождающей впечатление болезненности, перекрученности и вообще всяческого благополучия, а, напротив, этакий ироничный, сработанный на зевка и поклонения без драмса, и главное, имел красивые черные усы, едва ли переходящие в бакенбарды, то есть уже совсем готовые перейти в бакенбарды, но затем, будто испугавшись последней вольности, застыли в твердой острой готовности расти и дальше, если будет позволено, а также имел характер напористый, временами нагхальный и, пожалуй, нагий, смягченный, однако, прямичной образованностью и изупорным воспитанием.

Он звал К.И. в просторий, но уютный кабинет и с ласковой настойчивостью усилил в старинное некое черное кожаное второе кресло.

— Вот и все! — проговорил аналитик радостно, как ребенку, у которого только что измелили накоротки зуб. — Вот и все. — Он по-словенски грациозно обогнул кругом стола и, потирая широкие ладони, нахмурился на стул, откинувшись к высокой устойчивой спинке. — Вы сейчас выйдете из этого кабинета и начнете новую жизнь.

— Она лучше прежней? — ухмыльнулся К.И. с усилием — сквозь неожиданную спокойную внутреннюю пустоту. — Эксперименты прошли удачно?

— Более чем! — восхлипнул аналитик с нестораживающим оптимизмом. — Ваша личность — я имею в виду сознание и подсознание — представила мне уникальный материал, подтверждавший мое теорию. Нет-нет, ни даже полслова об этом! Я глубоко уважаю доктора Фрейна, хотя бы потому, что сам я родился в день его смерти — это последний вздох в этом мире во врем-

мень созвы с моим первым вдохом в этом мире. Согласитесь, в этом есть некая символика. Однако в чистой психологией Среда — это что-то вроде развалин древней Греции посреди современного супергорода. Это великолепно, это постальгично, но — увы! — оно представляет лишь географический интерес и значительные изуличества: чтобы побороться из одного конца города в другой, нужно обходить занятый центр или топать через развалины. Удовольствие для археопсихологов.

— Надеюсь, вы не стерли мое память начисто? — спросил К.И.

— Что вы! Как можно! — воскликнул аналитик (он воскликнул довольно часто, будто колко или в полном молчании и теперь потосковался по собеседнику). — Снять память — совершить замедление. Чем скучнее, нищее память, тем убога личность. Более того, в своем эксперименте я никаким образом не касался структуры нашей личности. Это вопрос этики. Через это я не мог переступить. Через что-либо другое, через вашу боль, кровь, страхи — можно переступить, а через нравственность — нельзя.

— Однако, — сказал К.И. —

— Возможно, — согласился аналитик. — Вам скучно. Но я иначе смотрю на пушу, некогда вы смотрите на нее. Для вас, гуманитария, пуша — нечто такое, — аналитик покачал перед собой широкой лаконью с растопыренными пальцами, — эмоции, ощущения, цвет мироисприятия, тембр и мелодия мироощущения и — во что вы там еще упаковываете пушу? Я же — сторонник и проповедник позитивного познания. Грубий, базальный и — если хотите — густоновый материалист, для которого вы — простите — не более, чем экспериментальный объект. Мышлений препарат. Вас это не покоряет?

— Ничуть. Продолжайте. Суть дела мало изменится, как ее назовите..

— Благодарю. Поэтому, когда вас после травмы собрали и как-то привели в сознание, когда я узнал, что вы были склонны к угнетательству, я, дразнившись, и обратился к вам. Однажды рискнули. Вы знаете, мы с вами одинаково рисковали. Вы рисковали утратить личность, я рисковал перейти через попустимого. И если бы не ваше согла-

сю...

— Неужели я сам согласился? — учился К.М.

— Разумеется, — улыбнулся аналитик широк и уверенно, будто ни на шаг не сомневался, что так оно и будет, — ваше согласие зафиксировано в присутствии свидетелей... Рассказывать дальше?

— Да, очень интересно, что же вы сделали?

— Все это обстояло следующим образом. Ваша истощенная первая система, усугубляемая... — аналитик замягкился, смыкался, и, не подчеркивая, протяжал — ...всобразимой утратой близких людей, быва не способнанести бремя жизни, бремя познания, бремя страдания. Черт побери, как жалостливо я излагал. Порог чувствительности, болевой порог — или, по-вашему — душа, через которую перекатывались чужие несчастья, которые, как я гордился, не воспринимались этиими лыжами как несчастья, — болевой порог выпускался все ниже и ниже. Вы неуклонно и все более беспризорно оказывались беззащитны перед жизнью. Совершенно безоружны. Коэффициент эгоизма приближался к нулевой отметке. А это означало одно — гибель. Да вы, собственно, уже и погибли. Если бы не я... достаточно ясно излагать?

— Да, понятно. Ваше неторопливое соображение насчет коэффициентов ранее встречалось в литературе.

— Разрешите продолжать, коллега? — склонился аналитик, приложивши усыщи длинные румяные щеки. — Не хотелось бы терять путь рассуждений. Итак. Считается, что лишь себя человек признает за единицу. Помните? — мы считаем всех нужными и стоящими — себя. Так что любого, самого нашимнейшего человека вы воспринимаете как величину в долю ценных и новять в периоде. Улавливаете? А какой-нибудь ингр... у некоих Хиллманахар для вас — полезных и никак-нибудь десятическая. В разница между единицей и указанной величиной суть коэффициент эгоизма. И это еще не все. Собственно, это также и не самое интересное, поскольку все это — проблемы моралистов и соционеврологов. Меня лично занимало, что при этом происходит в черепной коробочке. Истовые боли, иссущие самую точную, самую истинную и исчерпывающую информацию. Ту высшую правду, которой человек живет. И я

ступал так: перевортил ваше сознание в многочасовой бред, записывал и затем перевортил вас в сплошной гипнотический сон, снимал все напряжения с помощью химии, оставляя возбужденной лишь слуховую корокку, и прокручивал вам всю пленку раз за разом. И вы весь лекали, голубчик, спутанный произошками и пятнами. Особенно меня интересовала антиагограмма, и именно здесь меня окинула поразительная находка. Я обнаружил, записал и расшифровал новую мозговую волну и назвал ее вашими инициалами - К.М.-волна. Она может расшифровываться и иначе - , "волна сострадания". Именно она, как река, в которую втекали множественные волны вашего жизненного опыта, треская в итоге полностью затопить вашу - как вы выражаетесь - кашу.

- Да, вы девун! - рассмеялся К.М. - Вам бы глаза закрыть и подбородок вверх выставить.

- Так уж и девун! - подъязычный, похмельный аналитик и несерьезный, горчечный. - Увы, не способен я искренно и во всю глубину увлечься собственными эмоциями. Это трех всех аналитиков. Поэтому и не девун. Меня не трогает и не влечет познаваемое. Да и вас, возможно, тоже. Но зато есть у нас общая территория. Мы оба в некотором смысле - врачи. Разница та, что моя методика ни разу не панала ошибки, а ваша могла привести к собственной гибели.

- Неужели жизнь во всю свою глубину и протяженность может регулироваться вашими методиками? Или все-таки ускользает из-под контроля некий иррациональный остаток?

- Нет! нет! - подпрыгнул аналитик на стуле и прокрутившись выставил широкую ладонь. - Не говорите мне о Боге! Я ничего не знаю об этом. В основу любых делений я готов положить витальные интересы, измененную силу, интеллекту, даже любовь, если хотите. Возможно, в основе всяких полемиков живет любовь или ее заждители. Но если мы принимаем Бога как причину, которую следует учитывать, тогда мы исключаем из анализа свободу воли или ограничиваем ее настолько, что. Давайте, голубчик, останемся в промежах позитивного знания и не станем отвлекаться от темы.

- Позитивное знание... - эхом откликнулся К.М. - Вера уверенность пугает. Стальная базальтовая несомненность. Бунто-

все так на самом деле и происходит, как вы меня уверяете. Смешной народ вы, учение. Как чети. Стоит вам сказать мало-мальски любопытное наблюдение, как вы тут же кладете его в основание возмущенных замков, куда собираетесь поместить благородное человечество. Так было и с паровым двигателем, и с электричеством, и с атомной энергией. Мне кажется, вы упускаете из виду что-то очень главное. Помимо, еще Френсис Бэкон говорил, что невежество поражает уверенность более прочную, чем знание... Кевините, я перебью...

— Да, продолжай. Что мне удалось спасти? Я-таки расщелины "волнику сострадания", затем спас некоторые частоты и в результате довесил в вас коэффициент эгоизма. Теперь вы снова ли приголимы играть роль долюческого учителя. Но япон не пригодны для практических делений. Учитель должен стать спасателем.^{x)}

— Спасатель... — не спасатель, — заметил К.И.

— Он вас кичает сверху! — рассмеялся аналитик. — Да вы еще больший прагматик, чем я. Завершенный контур — суть прошлое. Оставьте что-нибудь нетривиальным.

— Пусть так, — согласился А.И. — Но какие роли, или, может быть, единственноую роль вы мне предназначаете после ваших экспериментов? Если вы повысили болевой центр соотношения до высоты крепостной стены, тогда я начну деградировать как всякая закрытая система.

— Деградировать вы в любом случае начнете, — перебил, улыбаясь, аналитик, — хотите вы того или нет. Сам процесс язвы — процесс деградации. Мозг извращает хипотусции, снижается сухожильные рефлексы, суживается каналы синапсов вегетативных функций, истощается ответ синапсов на стимуляцию, изменяются функциональные характеристики стволовых структур...

— Достаточно. Вы меня убедили. Я понимаю, что желая вернуть обществу полезного члена, вы подготовили в меня некоего другого, которому, собственно, и предстоит совершать день поступков, пока я, истинный, буду плестись за них, склоняя, пока те изменения, с которых вы отъявлены энергически изобразили, приведут к естественному выходу.

^{x)} Последняя фраза принадлежит ЕВ.

- Если вхолу, - перебил аналитик. - Если вы верите во что-то иное, помимо рационализма.

- А вас, доктор, устраивает ваш рационализм?

- Что значит - "устраивает"? И что значит - "мой"? Так ужбеце. Но главное, я - скептик, и этим все сказано. Я не верю ни в прогресс, ни в земное блаженство, ни в здравый смысл. И - - я и в материализм не верю.

- Как же так! Вы сами только что... - рассмеялся К.И.

- Надо ли что я только что, - кивнув усами аналитик. - Как скептик я имею право не верить в собственным выводам. Во всяком случае, я не признаю за ними всеобщего характера. Что же касается, как вы говорите, первого - почтакенного - двойника, то, в основном, оба типа личности в вас совмещены.

- Простите, профессор, а кто из них будет нести ответственность за мои реальные поступки? Первый, прежний, или второй, новый? Если, конечно, я попаду на улице и прижалу старику и сильно его ударю в лицо?

Аналитик улыбнулся, уперся локонами в край стола и откинулся назад. Бокки стула заскрипели, ухнуя тяжесть.

- Ни застрахований, никакий коллега, от самонипульсивных реакций. От неизмеримо опасных поступков. Но если то, о чем вы говорите, происходит, отвечать должен в вас второй, новый. Од крепче. Коэффициент выживаемости прямо пропорционален индексу жестокости, - он меняется со временем, помноженному на коэффициент этонизма.

- Это ужасает, - разумчиво произнес К.И. - Ну а как же мои личностные установки и цели?

Аналитик покосился вперед и, сперившись сух, вытаращил глаза.

- Вот тебе и на! - воскликнул он, не удержавшись и фыркнув, - Я полагал, что беседу со вторым, а тут вокруг первый проглохнулся. Да погните вы, - заговорил он зловещим голосом - для убедительности - непотом, - нет у вас никаких целей. Нет. И ни у кого их нет. Выбросьте из головы, иначе сорвесьте на здравие. Сначала научитесь просто жить. Вдыхать воздух и пенифровывать запахи. Внимать звукам и дефинидировать их значения. Смотреть на людей и определять их состояния. Но если вы никоим образом не можете обойтись без всяких

дам целей, — придумайте себе нечто высокое, попытайтесь соединиться с Абсолютом, с Бытием, с Мирской Луной. Это даёт вкуса и темперамента.

Они замолчали и задумались каждый о своем.

— Еще два вопроса, пож, — нарушил молчание К.И. — Вопрос первый: как долго пробы я в вашей лаборатории?

Аналитик развел руками:

— Сие есть государственная тайна...

— Тогда вопрос второй: что произойдет, если, как вы называете, мозговые волны расплетутся, или если волна вновь станет волшебной?

— Все, что могу сказать — в этом случае я вам не зайду.

— Есмо, — улыбнулся, удовлетворенный, К.И. — Спасибо.

Аналитик обошел кругом стола и крепко покал руку К.И., заглядывая в глаза:

— Не забудьте, коллега, ваш номерной адрес, место работы и полностью отмечены в записной книжке. Она в левом кармане вашего пиджака. Так же указаны основные привычки, склонности и увлечения. Если они у вас остались. Это на всякий случай. Скажем, из музыки вы предпочитаете симфоническую, а из композиторов — Чайковского, Доста, Грига, Брамса и так далее. Впрочем, что я вам расскажу? Вы сами все знаете. Ну, желаю вам удачи, успеха и терпения.

Несколько минут спустя К.И. вышел из под высокой арки на проспект и направился к метро.

Мне жаль их, сказал аналитик-второй, когда кабинет опустел и остыл в свете втекающего в окно осеннеискусственного тягучего осеннего дня, мне жаль их обоих, и моего, и твоего. Их отправится к своему хобби — испытывать вражеские препятствия на мирных отечественных художниках, а твой — заниматься скучным правописанием суффиксов и знаками препинания в бессмыслицах предложений. Бррр, кому нужны эти его аффиксы и прочие флексии?

.. Да, повторил К.И.-второй, комично, но что им делать? Каждый тянет свой вез с барабахом, контрабасит по ритмам,

но мы-то с тобой знаем, во что это на самом деле обходится. Вернуть их на кругие круги? Но даже мой, какая скуча, не отходя ни шагу и прочь, пытаться бестолку помочь тому, кто сам уходит в ночь свою бессонницу глядеть.

Может быть, снова пустить твоего в утешительство, — спросил аналитик-второй.

И не говори об этом, нет, не говори, не терзай меня потерянным парадизом. И потом — разве саготия кто-нибудь нуждается в утешении? Каждый утешается как может. Но зари-дате и соответствующей ей фантазии. Разве какая-нибудь прана затраханная кошка-мышка? Нет и еще раз нет. Пусть они уходят. Пусть они уходят, надеясь, что им есть куда уходить. Но мы-то с тобой знаем, что уходить некуда, что наступает время Великой Тоски.

В ответ аналитик-второй захихикал: ну вот, снова ты заводишь старую песню о космической скорби, о жалочности человеческой натуры, в чём? Найди для своего хаке-никакое вселенское занятие.

Пробовал. И я пробовал, и он. Считает, что туча — паразит тела. Сам он паразит. И начинает чинно рассуждать о матрёшкообразном сюжете, где в один круг событий входит другой, меньший, а в тот еще более меньший, и так далее, пока все это не упрется в хамоватое человекообразное рефлектирующее существо, безнадежно и тупо глядящее в голую стену в окопании менетекелфарес.

Аналитик-второй громко зевнул и перекрестил рот.

- 38 -

Много позже он догадался, что на самом деле произошло: значительный отрезок, объем времени и его события, люди, встречи, страхи, начальники, погода, облака, солнце, чайки распростертыне, будто лежащие в дымке, — исчезли, как отрезанное, сорванное и сиротлившее по крайней макабности. К этому тоже можно было прильнуть и перестать плакать — избежна ли катастрофа — известно, что она наступит, но когда? Да мало ли что захочет за эту извращенность случиться? Всруг и сама жизнь успеет протечь и всеми забыта, забытой.

от посмертной клеветы. Он знал, что ничего не исчезает, и ампутированное время со своими кувырканиями не истащил бесследно, но осталось внутри, скатое во чудовищной плотности и потому спокойное, без пульсаций, но всегда готовое ко внезапному бешеному развороту на всю прятанность, и тогда.

Директор внимательно посмотрела в лицо, избегая взгляда, про себя отметила десткие складки у рта, ехва заметно извивала, будто ничего другого не ждала, и сказала:

— А без тебя тут...

Он подумал: это из "Зимнего сада" — или умерла, уж за синюю не скажу я пагуб ее тихих, ни хлюпотливого почдного лозора, и вам сочувствие пастор, как вам дается благодать.

— ... назначили новую инспекторшу школы...

Пожал плечами: баба в начальниках, что и тут хорошего?

— ... собирается ходить по урокам, проверять, посмотреть. — Директор навразила бусы на локтяхом свитере.

— Пусть приходит, это хочет. У вас новый свитер. Инкантный. Французский...

— Индийский, правда, хороший? Знаешь, сколько он стоит?

— И бусы новые. Принтные. Освещают. Столько событий. Ех нужно встречать грудью. Лицо в глаза, искренне, беспощадно.

— Опять философствую. — Вздохнула. — Как расписыве склоне сделать?

— Как заблагорассуждаться.

Ламинные слова — самые приятные, произносятся с чмоканием на выходе...

Кто рассудит за благот? Е — застек, не халая, заметив вдвоем от вчерашних слов веки, спросил:

— Как вам мух?

Ответила коротко:

— Плохо. — Е вспомнила: ему за семьдесят, на улицу — ни шагу, пост в постель, иногда сирахивает удивление: — ты кто такая? показы документы. Е наконец назвал случай: выходит из туалета и зачем-то вместо комнаты открывает лестницу, спускается этажом ниже и задыхается, плачет. Та-

хим и застала, возвращаясь с работы.

К.И. покурил: мараши; калко листай; этим все кончается, — марашиом и калостью: а десять лет назад это был зорезий отставник; а в иности — альянтант его превосходительства.

— Да ты не слушаешь меня. — Директор вздохнула.

— Слушаю, — улыбнулся без сердца, — но таум-иначаль прощускаю через себя. Пусть уходит, чухай. А вы забарабливайтесь. Гоните тяжкий грех умения.

Встал решительный, посмотрел внутрь, удовлетворился: свободен... зачем?

— Так я поклю? Звонок.

Их немного. Рабочая молодежь. В свое время не успели закончить школу, и теперь. Баграном — не лицам, как пальчики по классикам, — все ли на месте? готовы звучать? Отозвались. В улыбках — немножко: где ты был? Бандури засторопился, вогнал до горла — не выманить, сказал, себе укинувшись, по-чукому:

— Тетради, домашнеста. Протолкни наши взрослии игри. Всем долги — исспанние сочинения. Через неделю.

Сдвинув брови, постучал пальцем по списку на столе. Ушили, заудибились. Один, в сивой кипарской беретке, подхож на тридцатилетнего Тургенева. С него и начнем. На чванцовой минуте у этого Тургенева должны засиять глаза. Инициаторисо. Сначала расслабить внимание, заставить отвлечься от всего, что вне, снять настороженность, набрасывать, виток за витком, костную цепь логических рассуждений.

— Современный человек представляет собой калкое зрелище. Корни, полные питать его личность соками промкой культуры, — иссохают. Калкое зрелище. Слабый росток. Видне ленистки. Нудзелские мысли.

Они привыкли: таково вступление, всякий раз иное и то же, — наступает на совесть, стыд, осознание изразвитости. Но всему, но всем, а каждый припадает на себя. Голос — очухавшийся, сухой, без влаги. Не о хинах говорить — о параграфах. Отвалился: увертира завершена. Надено? Конечно? Но никто иной им об этом не скажет. А теперь по программе:

— Диалто. Он служил революции сердечным смыслом своих произведений. Был иррационалистом демократии. Ощущение из-

ственno, как нравственный уровень в тебе поднимается. Написали? Отлично. Теперь позицию перечислим его друзей, пуховых современников, интеллигентуальных собратьев.

Беречислав, улыбаясь, чтобы уловить: высвечивал в памяти лица, как линии: пампинкум печальный, мартиролог культуры. Высокий лоб, полные щеки, круглый подбородок, веселые усы. Фасбер. Уши торчком, изящный профиль. Эмион Гонкур. Чеховские пленки к бородке. Болль. Беречислав долго имена и романы — впустую: ничего не знает, ничего не читает. Рассматривает проблемы веером: где интересует. Взял в руки и помял между рядов, терка перед собой, как икону, портрет мадам Виардо. Загадывали, хмыкали: ничего. Сказали, привавая голосу усталость:

— Красота живет внутри нас, каждого из нас. Если, конечно, удостаивает селиться в хатуге, где в углах паутина, плесень на стенах и окна засыпаны мухами... И в то же время, красота — это вершина, куда должен восходить художник. Быть восхважденным обрывает, подогр, иссикает и часто заканчивается за несколько шагов до шедевра... И чтобы вы себя эмоционально не обкрадывали...

- 29 -

Аналитик появился в конце октября, веселый, влюблённый, просунувшись, склонив голову в хвёрь:

— Разрешите, коллега? — и улыбнулся: под усами два ряда скакко-белых.

К.М. спросил.

— Конечно, — с гордостью повторил аналитик. — Это мне сделали в течение проходной научной поездки в Париж. Дорого, конечно, но зато на всю оставшуюся жизнь. Сперва трухне привыкнуть: когда откусываешь что-нибудь, раздается стук. Помню, в школе у нас за жафры столы скрипят. Когда внизу проезжал грузовик, челюсть постукивала зубами. Потом привыкся. Как это говорил ваш худкий классик: ко всему-то подлец-человек привыкает.

Аналитик аккуратно снял пиджак на меху, положил на стол, сверху — кожаную кляпцу на меху, двумя ладонями пригладил волосы, сел за стол, огляделся пристально:

— Здесь я работает?

— Здесь и, — отозвался К.И., подумав: зачем пришел. — Зачем пришли?

— Поговорить за жизнь, — сказал серьезно аналитик. — Но главным образом, не за этим.

— По мою луну, мифострель?

— И по луну тоже. Но пока оставим ее в покое.

— Скажите, пож, — перебил К.И. — а почему вы думаете, что мне интересно с вами разговаривать?

— Да потому что вам больше не с кем поговорить. Вы относитесь к довольно редкому общественному типу, которого я называю "человек одиночка".

— Ну-ка, это интересно. — К.И., стоящий у своего учительского стола, сел, поппер подбородок кулаками и, насквозь пронзив брови, уставился на аналитика, как на ученика, только что сноровившего глупость. — Расскажите, пожалуйста, что вы думаете о всем одиночестве.

Аналитик расстегнул пуговицы тесноватого кожаного пиджака на вороту, расправил плечи.

— Откровенно говоря, коллега, меня мало волнуют ваши проблемы и ваше одиночество. Я беседую с вами, я просто занимлю место в классификации личностей.

К.И. хмыкнул:

— По Кречмеру, пож? По Лазурскому? По Успенскому? Расскажите?

— Нет. У меня собственная система. Ех много, таких систем. Все зависит, что брать в качестве исходных и ветвящихся признаков. У меня собственная. Она нахождена не завершена. Не совершенна. Но я надеюсь, что через несколько лет я исполню эту работу. Но для вас, повторю, я выделю отдельную клеточку и, поскольку вы первый встретившийся экземпляр, выполню мой интерес ко всему вашему несостоинству.

— Несостоинство системы?

— Реальности, — ответил аналитик уверенно. — Ви человек трезвой, ясной мысли. Тонкость чувства. Чувствительность сердца. Сердечность отношения. Относительность восприятия.

К.И. удивился: пож, птака, пож.

— И при всем том, — протянул аналитик, не обращая внимания на иронию собеседника, — при всем этом такие, как ви...

не живут. Вы, извините, явление реликтовое. Как быстреморая рыба. Это интересно. Это забавно, это может, напоминать, представить собой часто исследовательский интерес, у меня, например, но — увы! — аналитик, сожалея, развел широкие лапти.

— Ну, хок, — произнес, смехом, К.И. — и то хорошо, что я занял какое-то место в вашей системе.

— Да, но в той части, которая изменяется

. Гипотетически ограниченное. Так что, простите, коллега, но и здесь вы оказываетесь не в лучшем месте, — за пределами реально допустимого существования.

— Что же мне теперь, не жить?

— Отчего же? Живите, коллега, радуйтесь. Вы умница. Радуйтесь, развивайтесь, растите выше себя. Но не тащите волы воспражения.

Последние слова аналитик произнес тихо, саторником, и уси его ужло спустились. Он быстро взглянул в лицо К.И. и снова уставился в стол на свой пиджак, рисующий невидимые замысловатые вензеля на крашеной поверхности. К.И. понял, и у него сильно забилось сердце.

— Это было, — сказал он.

Не было, — ответил аналитик, ставя пальцем невидимую точку. — Ни-че-го этого не было. Я проверял. Тех зданий, где вы, якобы, жили и работали, не существует. Не было никакого пса Начтова. В космический корабль из бросовых частин, построенный некими сумасшедшими, никуда не улетал, потому что его тоже не было. И глухонемого брата у вас нет. И матери нет, — вы воспитаны в детском доме. И любимой девушки Еарии не было. И поэта Канопуса. Я проверял все факты. Есть старик, похожий да вашего Канопуса. Он действительно вместе с двумя старыми курями организовал что-то вроде общественного биро помощи инвалидам. Но сам он никогда — слыхал? — стихов не писал. Это я тоже проверял тестамд. Он не имеет представления об элементарной верификации даже на уровне детских способностей...

— Тогда я сумасшедший, — кротко возразил К.И.

— О, наверно, — ухмынулся аналитик. — Вы существо разумное, рассудительное, нормальное. Это я также проверял, несколько

это канутило современной наукой. Я даже помедлил над засыпкой в барокамеру, чтобы взять пробы на излучение, холод и углекислоту. То есть, никаких значительных отклонений от средней нормы я не обнаружил. И все-таки! — аналитик тоскую щелкнул пальцами. — Нуутром, вот здесь, — он стукнул себя по груди, — чувствую: что-то не так, но что?

К.И. закончил складывать из листа бумаги кораблик с двумя трубами, поставил перед собой, посмотрел в глаза аналитика: серо-зеленые, они были серьезны, почти свирепы.

— Даль. Я бы пречесал чуточку сумасшествия. Скажите, — с надеждой одросил К.И. — а луна моя не проверяли?

— Ваша луна, — ответил, не отводя непримиримого взгляда аналитик. — Ваша луна — есть совокупное восприятие деятельности внутренних органов. Обыкновенная лягушка способна винить чувство мировой скорби.

— Не скажите, не скажите, — протянул К.И., — Хотя, если взглянуть на проблему с вашей стороны, — важный выраженный объяснять себе и другим любое недонятное или неизвестное ему явление любыми понятными и известными причинами. Да все так и делают. Ноэ, несколько точно отразится явления в ваших представлениях о них. Зеркало может оказаться кривым или замутненным.

— Я не верю, — перебил аналитик и даже постучал ребром ладони по краю стола, — не верю, будто вы могли жить одновременно в реальном и нереальном мире. Этого не было, — вздохнул аналитик.

— Вы, мон, с такой страстью уверяете меня, что этого не было, как будто только того в жанре, чтоб это было.

— Хочу, — коротко выдохнув, признался аналитик. — Равнодушился, хочу, чтоб это было возможно — параллельное существование. Надеюсь, скажем, здесь, ты отправляешься туда... А там все совершенно другое, — аналитик изчтательно потянулся дрянистым телом, откинулся назад и сцепленными ладонями схватил затылок. — Там люди смиходительные и беззлобны. Умни и виноватыи круг и кругу. Ценны и благородны. Господи, по чём это было бы прекрасно!

— Ara! — торжествуя, воскликнул К.И. — Сотни случайные черты и ты увидишь: мир прекрасен.

— Нет, — сказал аналитик, и улыбка спала с его лица как позава; он положил на стол тяжелые вулаки и уставился на них, как на последний аргумент. — Нельзя отрицать случайные черты, они — патина времени. Это невозможно. Это маркизия. В пухах, у вас это проходит как временное помрачение сознания.

— Зачем вы пришли? — сухо спросил К.И. и заговорил спокойно, наторопясь, также. — Чтобы убедиться, что я ничего не забыл? Вы перестроили, переналадили мое изложение, волны, вы слегка притупили мое правое полушарие, где рождались образы,, вы активизировали мое левое полушарие, где возникает аналитическая оценка реальных ситуаций, вы следили, что могли в соответствии со своей научной концепцией. Вероятно, вы побывали сюда, и мне никогда не вернуться в тот мир, которым я был до. Я даже готов согласиться с вами, что легкой тех нет, — ни Нечтова, ни К.нопуса, никого другого! Возможно, я — побыча собственного романтизма, я вы совершили рациональное пение, вернув обществу полноправного человека. Но одновременно вы обокрали меня, потому что я стал беднее. Реальная жизнь вокруг меня и я сам в ней — мы разорвались круг к кругу. Вы многое и плодотворно поработали надо мной, и с вашей позиции это вполне именоваться научным подвигом. Но то, что вы сделали, я называю иначе...

— Как? — спросил аналитик, постнаял тяжелое умное лицо.

— Преступление.

— Ну, знаете, коллега! — возмущенно делился аналитик. — Это называется неблагодарность. Вы покорбрали на улице в джалейском коматозном состоянии. Целую неделю я вас приводил в сознание. К часами записывал и часами анализировал ваш несущественный бред, и вот теперь...

— Едините, — сказал К.И. и начал излагать перед собой двутрудный бумажный кораблик. — Я не хотел вас обидеть. Вы, несомненно, прегосподний специалист, но что-то, мне кажется, вы не учили. Реальность — это безвыходность. Нельзя, чтобы у человека не было выхода. Нельзя, чтоб он затравленный, блеск о глухие стени материализма...

Аналитик взруг так открыто и добродушно удивился, что К.И. тоже не выдержал серьезности и рассмеялся.

.. - Позиравши, коллега, - сказал аналитик, - вы превосходно видали свою роль. Вы влезли в нее, переноситесь в образ. Но... сегодня играет другую пьесу. Знаете левиз фанатика? Он вищает так: не пытайтесь убедить меня фактами, я для себя уже все решил. Хотя пары - аналитик быстро, как фокусник, вытащил из кармана писклявую толстую пачку больших твердых бумагиных карточек. - Вот тесты. Их следует заполнить ответами на вопросы левизы в итоге, - в помощник и в среду. Точно в эти часы. Через четыре месяца я приду за ними, и тогда все покажу вам. Если же я проигршу, то вот, - аналитик накрик коканой папкой бумаги кораблик, - тогда я съем собственную папку. Это произойдет в феврале. Согласны?

- Согласен.

- Тогда замечено, - аналитик легко почесал из-за стола, перекинув через руку папку на паху, вскружи на голову папку. Кораблик на столе не было.

- Где? - спросил А.И.

Аналитик, улыбаясь, развел руками:

- Это был воздушный корабль. Улетел. Был в своем первичном мире. - Он помолчал, лукай сказать что-то очень важное, вместо этого хмыкнул, покачал головой и пошел между столов и стульев, у камира сбериулся, долго смотрел.

- Но-человечески я хотел бы проиграть это пари, но как ученик я не могу себе этого позволить. И еще... Если я хоть что-нибудь понимаю в людях, то вот вам мое пророчество: назование счастьем вам не грозит.

.. Ты знаешь, меня просто-таки потирает оставить их в эреме-тени, пусть сами кувыркаются в своих хитроумиях. Все равно: внутреннее влечь так и достанется за препядствии их перекиданий. Возможно, где-нибудь впереди они сойдутся в проповеди тейяр-изма-не-арханизма и всеобщей любви, но я-таки сильно сомневаюсь, что из этих двоих образуется боровая ветвь, сила духовной эволюции. Может быть, попробовать снова - от нуля?

Ну что ты! Затрачено столько рациональной энергии. Нет, будем звать их до конца, - до гибели или до прорыва. Каждый из

ных полиморфов, властичен, представляет собой линейческую реальность. Да, попробуй понять линейческую температуру. Бенинка? Значит, вернуться к прежнему отрезку пути? Зачем? То же, но на другом уровне. Ги, соглашай.

- 30 -

Серое небо, серая земля, застойный воздух. Аух. Отравленные газы автомобилей оливают на кирпичном асфальте. Жарко без солнца. Рябина с магазином новый пивной дарек и разрозненная толпа хроников. На каждом спущенном — грусть абсурда. Мир стареет и разваливается. В магазине бабки с пустыми бокалами ждут приезда сокровенного искаса. Сидят на щипках, стоят у стен и витрин, прислонясь, общаются. А у меня невестка такая хорошая, ух такая хорошая, никаких и поискать. А Галька из мясного, помните, на окнах стола, зарезала, говорят, своего мужика. Дома, пьязная, ногнадесь за ним и сирными ножами в спину. Дочка осталась четырнадцати лет. Вот до чего девка доведет. А мой и по сию пору пьет, а сам который год на пенсии. А чего мужику-то челать. Пусть пьет. Одна радость в жизни. А вчера тут морского скунса с головой давали. Надо же, а я вчера и в магазин не пошла. А на утру в гадантерес со двора простыни кавали по тахонам. И куда все ковысятся? Вы за мной будете, гражданочка. Здесь еще одна хана стоит в меховом воротнике. Знаю, знаю, она в сберкассу пошла за квартиру платить. А мы сантехника второй день идем, а си не идет. Так они все На аварии в сто четвертом тому, там царевое прорвало, вот и торопятся до морозов. Морозов не будет, я знаю, я снега не будет, гололед не приходится. Скоро ничего не будет, это я вам точно скажу. Как это ничего не будет, мы-то будем. Мы-то будем, а больше ничего не будет. Не говорите неправду, вон на прыздах стало все позябаться. Борут много, перевести бы всех зоров, все и было бы у лыней. Как же ты их перевезешь, с клюками и то не справиться, а ты хочешь зоров перевести. У меня сосед с пятого этажа с похмелья карбօфоса хлебнул. У него, понимаешь, в кладовке, в тесниной комнате, значит, стояла отщака бормотухи, ну, утром, лежа уйти на работу,

а он глаза пропрах и в клетовку, бутылки перепутал, она с работы пришла, а он тут же и лежит, холостяк. Третьего пши хорошали, я тоже видела. Она его не хотела скангать, мало ведь, так она, малая, за ногти кисти цацковых выложила, чтоб место получить. Надо же. Ну, это еще чиново. А вы знаете, когда сапожника, ну, того, крикого, что у алтеки сидел, прибауточник, хорошали его, то. Это какой же крикой сапожник, я тут с вами живу, всех знаю, а такого не знаю. Как же ты его не помнишь, он еще темные очки носил. Так-бы я сказала, какой же он крикой. Он под очками криккой, а с очками-то он совсем не криккой. Как же он не криккой, если у него все гусеницы висят ходили. Что когда он без очков, а.. ногти с очками, тогда крикко. У моей соседки в прошлом тоже катаракту вырезали, а в этом тоже снова на том же глазе. Так она же бесплатно операцию делала, а за бесплатно придется обратно. Ха.Ха.Ха. Это верно, надо толстый керман иметь. Вот люди все жалуются, что плохо, а в субботу в "Онлайн" выбросили генские пупырки на маку по восемьсот рублей, так что творилось. Говорят, одного мужчину, виноватой твоей из себя, там же в парикмахе убили за пупырку. Господи, спаси и сохрани. Какие аварии. Это точно, разверял народ. А ты, погруга, поститца-то булешь перед Рождеством. А то как же, я всякий год пост блюду, потому и хожу без пальки, своими ногами. Кожные ноги - половина здоровья, я вот обезопасила второй год, не сгибается ходила-то, и все тут. Ты попробуй алсам поколоться, у нас в лесу бахорун живет, так он какую десну алсам колется, а то беда - и ревматизм, и если откладывается. Соль - это от соли, нельзя соль есть.. А я люблю соланечное, отурчик, капустку, салаточку, когда постаму. Остерегись, матушка, от соли кость хлестается хрупкой. А самый сильный яд - сахар.. У него сахар в почве, тому сахар нельзя есть, ни в каком виде, только исходит и сорбит. Это про чайбер ты говоришь, а чайбер, он как рак, у всех есть от ракаenia, только у сильных он проявляется, а у других обнаруживается. А я и сахар люблю, раз-два в неделю обязательно себя конфеткой побалую. Да ты бабка хоть кула, ты еще и мужичком себя побаловать можешь. Чего же, если повернется. А у нас с третьего польства одна, вроде меня,

да той же самой замуж вышла. Мужчина он из себя витринный, солидный, из персональной пенсии, летом и зимой вырастая, сам себе хозяин. А за такую извергася, у нее же политики по два месяца не стирани, она их по сырье истаскивает, а потом в бачок для пищевых отходов заталкивает. Ладиши, перестаньте плоскоглядеть, как вам не совместно. В, чего захотела, где это ты совесть последний раз выгнала, скаже, я тоже сбегаю, погляжу на сковоринку. Чего им, в самом деле, чужие кости перемурзати, мало ли у кого какие случаи бывают. Может, у них любовь. Очень даже возможно. Вот и знаю отцу, такую пару. Он свой элитный сорок лет терпел, а потом взял да и ушел к другой, доброй, а та, брошенная, своей сопернице все стекла на четвертом этаже камнями перебила, у нее квартира на две стороны смотрит, а ей говорите ревность. Да, вы правы, ревность, как в любовь, не знает ни возраста, ни срока. Вы не спрашивали, скоро колокол привезут. Справившись, из сознания звонили директору, женщина сломалась. Ну и ладно, тогда я успел картежку взять, в то с утра в спешном на транспортере была гнилая партия, а сейчас, наверное, в бункер трутун загрузили, так вы запомните, что я на вас, вы повернитесь, посмотрите, чтобы в лицо запомнилось, я быстренько, я сейчас, пока, виду, так очередь мебельная. Молодой человек, вы последний за картежкой. Извините, я лумала, вы молодой человек, а у вас седина. Не тяжело с двумя сумками. Ну да, понимаю, лети, жена больная, устает на работе. Ну да, так я и думала, ни жених, ни матерей, все сам, все один, как наезд, и постирать, и обед приготовить, и в очереди постоять, а вы и мясо, виду, успели взять, ну, молодец, вот что значит молодой. К.И. протянул прошавнице чек и похлопавши сумку под карточечный лоток.

- 31 -

О, ваши вопросовидные глаза! О чем и зачем? Что вы хотите найти в моих словах? Слово — кость звука, а звук — кость души. Словесательство, куча макарона. Она жестякульирует, а на ее лице — и сладкая боль этого проклятого мира, и горькое счастье необратимого покоя.

Говоря это, он проходил под взглядами дозернутых голов, проходил между столами и синей стеной, проходил упругой, пружинистой походкой, ощущая возникшую яростную страсть, проходил, как одна жизнь кипеющей другой.

— Слово — очека факта, — произнес кто-то негромко.

К.И. остановился у своего стола сбоку от классной доски, опирся руками о спинку стула, взглянул на меня сказавшего, улыбнулся:

— Улица. За будут благословенны для ваших полков. Словно-однажды. Давайте склерем с фактов их халкое рубище и пустыни, как голубь правду, в Лыжные долины.

Все восемнадцать — внимали, одни, чуть съежившись, окидали разного, как выходи, вопроса, другие — расправились, готовые.

Оглядев, удовлетворенный, и намеренно недвусмыслим, усталым голосом:

— Тетради, разговоры, приводящие мысли — в сторону. Сейчас урок развития речи. Последний островок луковицы в окопе техничесма. Идет приливная волна. Сгружаются, изволено взвешивая, и рассказывают круг другу обо всем, что не успели поведать прежде. Я учитель, и то, что знаю, вы можете прочитать в книгах, и поэтому я должен вас учить тому, о чем сам не знаю.

Он говорил негромко, без сути и спокойно, снимая внутреннее напряжение шестнадцати, сухой спектр внимания, составляя, как насталь, узкий луч слуха. Они привыкли, что иногда, довольно часто, он отменял рутинный темы программы, и начиналась длавная, как покачивание волны, беседа ни о чем. Он просил: дайте мне слово, такое, плотное, скатое внутренними давлениями, мечтавшее взорваться смыслами, дайте мне такое слово. Они называли сразу несколько, затем величивали недолгие споры, какое из слов — одно — оставить, и когда оставалось одно слово на четырех квадратных метрах классной доски, тогда начиналась большая игра. Рисовались векторные стрелы, знаки равенства, плюс, минус, к слову прибавляло еще одно и еще, по контрасту, сходству, схожести значений; слова зачеркивались, заменялись пурпурными, восстанавливались красные; слова соглашались кругом с кругом, спорили, искали-

дели, переходили в кашот или на крик; они жили, крутясь, обретая некий, еще насыщенный смысл, он проблескивал, как дальний свет в тумане.

— Человек в непомерной гордости своей полагает себя несравненным центром творения. Это шкурный интерес, мелочное мнение. Надеюсь, со временем мы с вами избавимся от него. Человек — не конец, а начало. Каждый из нас — начало дальнейшего.

— Это история, — произнес кто-то уверенный.

— Да, и история тоже. Ствorenное до нас, творимое наами, творящее после нас. Это не календарь великих событий, не столбы, врытые в память, чтобы к ним привязывать современников. Это не алфавитный перечень замечательных личностей, на которых должно равняться во всех пор, пока не потерянешь самого себя. Это не коллекции медалей, которые вешают на грудь нации, чтобы грудь эта не взмыкалась слишком высоко. История — та мера, тот размах, которым каждый движется по жизни...

К.Н. помолчал, смотря внутрь и чувствуя, как снова усиливается некая мысль, некое понимание, большое и знакомое, как чужое счастье, освобожденное от привязанности и потому не принадлежащее никому постоянному, некий ключ ко всем темам; машинально и беззвучно сказал: дрожай, ты еще раз проходишь мимо; выныти из забытья и увидал те же лица, головы, где с усилием ворочаясь, укладывалось.

Обрадованный богатой голосе произнес:

— Если провести воображаемую линию с левого нижнего угла посы к верхнему правому, то мы увидим, что человек — это идея самого себя...

К.Н. обернулся к посме, она вся исписана словами..

— Разве там один человек? Разве в каждом из нас один человек?

Зажевались, заулыбались, новольные:

— Много...

— Что значит "много"? Вот скажите вы, Петр, сколько в вас разных?

Ответил не сразу, затем начал загибать гибкие пальцы:

— Одни бородчик, одни брагатир, одни муж, два отца, у меня двое детей, и к ним я отношусь по-разному, потому

поддавала, на моей работе нельзя не пить, один сын, онходит в матери в деревне, один ваш ученик, один брат и один я сам, — он, торжествуя, показал скатые кулаки.

— А какого из них вы, Петр, считаете главным? Или каждый — это социальная роль, которую вы играете в разное время в зависимости от разных обстоятельств?

Обрубщик думал с усилием, будто ворочал чугунные стальные.

— Поддавала главный, — засмеялся он.

— Я сам главный, — сказал обрубщик.

— Да вас и нет все же, — рассмеялся К.И. — Разве что во сне? С утра по вечера вы играете роли, и эти роли, и правила игры не вы сами себе создали, а принесли, как положено; Утром вы пассажир, затем рабочий, вечером сельянин и телевидатель...

— Что же делать? — взруг растерялся обрубщик. — А вы? — спросил он с наигранной.

— Не знаю, что делать, — признался К.И. — И сам я — тоже роль. Сейчас играю роль учителя.

— А в коридоре и на улице?

— Роль человека в толпе.

- 32 -

Он увидел ее сразу, — она рассматривала на стене большой расчерченный лист. Рисунок. Лицо в полоборота, в четверть оборота и полуулыбка, четверть улыбка, также и на улыбка все же, а выражение чистой счастья, как утренний солнечный ветер, — вот он есть сейчас, и ласкает лоб и щеки, свободный, и это радость, а об остальном — не думать.

Увидел и ощутил тень страха, и обратился: значит, не машина, значит, способен на непрописанные чувства. Она обернулась, равнодушно — показалось? — скользнула по нему взглядом и метородливо, спокойно, помяла извсюсок к кабинету математики.

От сердца отлегло: это не мое, все в порядке.

Ему казалось, что он все, решительно все знал об одиночестве. Испытания из оставленности были испытанием и

отвергнуты за неподходящестью. Ритуальные массовые игры оставлены за несопротивляемостью. Поиски пудевого участия и духовного исцеления — из-за того, что каждый человек был внутри собственной концепции, и эта концептуальная замкнутость и ограниченность не давали никакой возможности вырваться. Такое одиночество, равное свободе, было как кристальная чистота склонной равнины: во все стороны — ни тени, и сам растворяешься в пустой пустоте. Завороженность молчанием, тишиной, нарушаемая звуками собственных матов. Из одиночества он выходил на работу, как на охоту — поймать гаснущую мельчайшую чужую голову, отблеск и тени дневанно и случайно про-мелькнувшей мысли, лицо чьего-нибудь лица.

Когда после звонка он входил в класс, то прямо в дверях, пересыпывая свет из окон, увидел ее — далеко-далеко, как вспышки из тумана напоминание о небывшем. В груди собрались и вспыхнули распался теплый комок. Нет, волной пошло по нему, это не тепло. Что — это? С этим явно простились — сердечное томление, луневидная изнога, пружинные споры, интеллектуальные игры в перетягивание каната, хвиряние в мусорной куче рефлексий, многозначительные размышления над сотернатием введенного яйца, вся мутная нерасхлебанная экзистенция русской жизни, которой нет ни конца, ни постоянного названия.

Развитие завершено, лумал он, облик мира кругом себя и очертки, желание гармонии почти уловлено — чего же боится? — остается избывать лих своих, не ссорясь с жизнью и с совестью, в полном согласии с гипотетической внутренней правдой, отщелкивая гени, приближающие новый век и — кто знает? — новых людей.

Все он прочувствовал машинально, как многое ли передуманное и, пройдя от двери к столу у окна, образ на лице, как всегда, спокойно-ироническое выражение, скрывал трагические складки у рта.

— А вы, мадемузель? — спросил он. — Вас я виду вперед.

— Да, — ответила она, дожимая светлое лицо, спокойное и безмятежное, как озеро под солнцем. — Меня только сегодня зачислили в ваш класс.

— Прелестно! Стало быть, у вас есть некоторая возможность присоединиться к изначальной культуре. Посмотрим, что из

всего этого происходит. Итак, друзья, — обратился он к классу, — с сегодняшнего урока мы с вами начнем утомительный путь повторения. Это будет бег трусцой через полтора века русской словесности. Поэтому, будьте внимательны: после школы вы вообще не встретитесь с литературой как должностные участники процесса, но станете всего лишь посетителями лукой художественной жизни. Итак, у вас есть список наиболее значительных тем для повторения. Делайте ставки...

— Любовная лирика русской поэзии, — произнес кто-то из умоля.

— Лучше не придумашь, — рассмеялся К.И. — Может быть, кто-нибудь возражает против этой темы? Нет возражений? Ну что ж, тому и быть. Поговорим о теории. Броводем лирический мотив от Пушкина до — простите — современных поэтов.

Помолчал, привычно выстраивая структуру в таком порядке, чтобы на двадцатой минуте увлечь глаза учеников, и негородясь сказал:

— У нас в России любой процесс, состоящий, любят заявлять моментально становится проблемой, и не потому, что не можем что-то решить быстро и правильно, а потому, что собираемся решать раз и навсегда и непременно во вселенском масштабе. Ко всему относимся серьезно, в том числе и к жизни, и к смерти, и к любви. Это сейчас мы живем в призывающие времена, а когда-то... Русская любовная лирика — это, по преимуществу, поэзия прощания, разлуки, разрыва. Лирика памяти. И той этому, первый аккорд, задан таким первым, да...

Когда прозвенел звонок, и все вышли из класса, одна она осталась сидеть. К.И. собрал несколько книг и понес к стенному шкафу и, чувствуя сплюснутый взгляд открытых склоненных глаз, несомненно для себя разболтавшийся и не мог сразу попасть ключом в замок дверцы. Наконец, открыл, положил и, боясь обернуться, проглянул что-то перебрать на полках.

— Я вас хочу просить, — услыхал он, — если вы будете стать добры...

Что у меня с лицом? — лухал он. — Господи, что с моим лицом? Вернулся к столу, сел, глядя в глаза.

— Я хочу просить вас позаниматься со мной, чтобы я постепенно подготовилась к поступлению в институт.

- Зачем? - сухо спросил он.

- Как зачем? - искренне удивилась она. - У меня есть дочь, которую я должна воспитать наилучшим образом. А для этого я должна стать умной.

- Зачем вам ум? Вы красивы и, судя по лицу, добры. Этого вполне достаточно для счастья.

- Нет, мне этого мало. Я прошу вас...

- Ну хорошо, - согласился он, - если вы настаиваете, то можете приходить в любые мои консультации по расписанию. Будете получать задания и работать. Но смотрите: если у вас не достанет труда любия и характера - все. Тогда нам с вами просто не о чём разговаривать. Для начала вам необходимо следующее...

Она кивала головой, слушала, соглашалась, а он говорил и смыкал, как изнутри, из вязкой застойной глубины погнивавшей, покачиваясь на волнах, изувеченные строки:

Я из твоих ладоней пью
И жизнь, и смертную истому.

И он манилко и грузно брал в свою берлогу, и женщина рассеянно и легко шла на свой автобус, и школьное здание, темное, опустело, закрытое, а на третьем этаже у окна в свете фонарей говорили.

Наконец-то. Когда мы скажем им об этом? Никогда. Пусть сами постигнут великий путь узнавания, единственную из вероятных встреч. Пусть мучаются, терзаются, думают преноми, спроектируют программы разделения. Лиць страдание, оно само, есть плата за свободу.

- 34.-

- Не окнули, коллега? - аналитик возник в дверях и, щурясь от яркого света, всматривался, юзая. - Разрешите на консультацию?

- Ко мне всем можно, даже вам, - показал К.М. рукой на стул перед собой через стол. - Пожало склони в гардероб?

Правильно. Проходите, располагайтесь, спрашивайте. Но расписание сегодня для выпускников проблем: конфликт как движущая сила сюжета; философские вопросы свободы личности; познание и самопознание в художественном творчестве.

Аналитик присвистнул:

— Не высоко берете? — он прошел к столу, пальцами правой руки потягивая усыхи, сел и уставился всегда умевшими круглыми глазами. — Неужели ваши, как говорится, особо одурманены, что-нибудь понимают в таких поэтах?

— Отчего нет? Темных мыслей нет, есть темные речи. Есть речи — значение темно или ничтожно, но им без волны не пинать невозможно. В таких случаях виноват здравий смысл.

— Ну... — засомневался аналитик. — Для вас здравий смысл вроде лопаты: когда отказывает прочая техника, тогда берутся за лопату. Но в вашей работе — яркие там сюжеты-композиции-образы-идеи-содержания, — это ведь не здравий смысл, а всего-навсего устоявшиеся штампы. Вроде типических характеров в типических обстоятельствах.

— Вы заблуждаетесь, — сказал К.И. — Типическое — всегда страшное своей обидчищностью. В классической русской литературе центральный герой всегда истиличен, всегда выродок и всегда выступает против всех. Он не способен ничего совершить. Он бездомен по сути и бессмыслен. Как только он получает "вон" — ограниченное плоскостями пространство — этот герой начинает деградировать. А в норме он — бездомен, бессмыслен, истиличен. И нет ему, будькому сухому смеху, ни покоя, ни пристанища в своем времени.

— А вы любите, однако, четырнадцатый век...

— Да, поскольку. То была человечная эпоха. При всех издержках. А нынешнее столетие — трагическая ошибка в истории цивилизации.

— Так уж и ошибка! — воскликнул, подзадоривая, аналитик.

— Несоциальная ошибка. Уровень культуры падает, нравственность сводится к нулю. Духовность привязана к вещи и комфорту. Моря крови и скелеты слез.

— Но позвольте! — возразил аналитик с несколько напряженным упорством. — Ведь изобретен пенициллин, искусственные органы человека и все такое. Телевидение, наконец!

— Простите за труизм, — сказал К.М., успокаиваясь, — но жизнь, о которой вы говорите — это игра в игру. Видимо, мы с вами — те независимые параллельные, которые не пересекутся даже в искривленном пространстве.

Аналитик смотря задумчивость: поставил на стол куклы, а сверху положил подбородок, смотрел из-подо лба.

— Зачем вы пришли? — спросил К.М.

— Иск тесты... — буркнул аналитик.

— Никаких тестов не будет. Я устал от ваших разговоров. Аналитик хронически мешалась бровями и фыркнул.

— Пожалуйста, на меня не мешайте бровями, — рассмеялся К.М. — Я закрыл дверь за вами. Сейчас я учитель словесности, и только этим могу быть интересен.

— Тогда скажите, что такое смект? — буркнул с куклами аналитик.

— Смель-бу-пле. Смект — внутреннее сцепление событий, движущих их из состояния равновесия. Это происходит, когда герой пересекает границу суверенной эстетической гипотезы. Тогда начинается смект. Существует три типа смектов: прямая, круг, лабиринт. Все прочие — манификации. Это объективно. А субъективно — каждый человек есть носитель собственного смекта. Его постоянства выкапаются у жизни поступками. Извините, я достаточно популярно излагал?

— Да, спасибо, все очень понятно, — пантазерски аналитик, расправился на стуле. — Все понятно, — протянул он задумчиво. — Но в речах ваших есть — я чувствую — некий парадигма, заминка какая-то. Бреде бы все на месте: и мысль, и логика, а все одно — некий собой. Помнится, вы как-то обмолвились, что всякая метафора требует героя. И вот в сопротивности ваших понятий, в их метафоричности — не слишком ли многим вы гертуете? Знаете, меня всегда — к чем дальше, тем больше — интересуют люди иных существований. Не изобретатели, не художники-музыканты, нет, а люди недоходных существований. Они есть, или, во всяком случае, должны быть. Это я осознал совершенно неосознанно, когда стал заниматься онталоскописом.^{x)}

^{x)} онталоскопис — способ познания истины путем сопротивляемого рассматривания собственного цунка.

— Достойное занятие, — подтвердили К.М. — Завоевательно успокаивает центральную и вегетативную нервную систему. Но онфалоскопию требует значительной подготовительной работы, иначе психоресурс связей трусливо ориентироваться на этический поиск.

— Да, да, я знаю, — рассеянно произнес аналитик, — я читал работы Христо, Иванберга и Бокса. Но речь сейчас не об этом... Мне представляется, что вы являетесь или можете стать тем, кого я ищу, — человеком иного существования... Может быть, ваша прежняя воображаемая учителльская одиссея — всего лишь слабый намек. Выездящий из кратких лук солнца сквозь облака. Простите мне несвойственную образность. Может быть... Как бы мне хотелось, чтобы это могло быть!

— А вы сами?

— Увы, коллега. Я в собственной тюрьме бессрочной, — тухой, бессолнечной, горочной...

— Ну-да, скажи... Однако, знала ли я способов помочь вам. Мой прежний секрет был прост: мой свет вhaled вами. А нынешний мой секрет еще проще: я выпрыгнул из своего спутника, как из межленного поезда, и теперь мы держим раздельные пути, — мой свет движется своим путем, я — своим. Так что не обессудьте.

— Халь, очень халь, — оторвался аналитик. — Тем более, что вы совершенно справедливо установили, будто жизнь оплачивает поступки постоянствами.

- 35 -

Моим уловкам вопреки
Познаниям начальным, —
Движеньем мордений руки
Коснулась ты луны печальной,
И вот, не знаяшая претраж,
Луна плывет иссекшим руслом,
Нутром тонущим и грустным,
Как никогда тому назад.

Не дай мне Бог твоей разлуки
Небытия и немоты,

Где прозрачной чистой муки,
Где каждой каплей льется
ти,
Не дай мне Бог такой напа-
сти,
Чтоб жить, как прежде, не люби
Удереги меня от счастья,
Где нет тебя, где нет тебя.

— Запомни: ты не имеешь права умереть раньше меня. Ты должна жить только, пока я иду по всей своей запредельной путь.

— Нет! Нет. Я не хочу жить после тебя. Если мы когда-нибудь умрем, то умрем вместе. Даже в запредельном твоем пути я должна быть рядом..

Это они скажут друг другу потом, чуть позже, — скажут в телефонной будке, или на станции метро, или просто на улице, впервые остановившись, и толпа станет молча их обглядывать с двух сторон, пока он говорит и смотрит в ее серые глаза и пока она говорит и смотрит в его серые глаза.

Господи, как все это понятно, просто, прекрасно и.... скучно. Ведь об том же надписи томы и томы, и подобная история была поведана миру десятки — какое! — сотни тысяч раз. А в результате, как говорил один великий писатель, остаются вершиновые лампы наших электрических открытий и использование доказательства наших безумных ярбовей.

Я сижу в оставленном сканте и читаю чужие записи. Чужой путь меторондив и увачлив, остановки коротки, выход налево, выход направо, но никто не выходит, и мы снова винимся потихоньку, а впереди — ни семафора, ни стрелочника, все кувы-то разбежались, только параллельные рельсы, ускользают, вспыхивают в невидимую точку и там пропадают.

Читая не скана, отмечая удачные пассажи и режущие слух стилистические кляксы, иногда чувствую зависть. А как он юрок, с какой точностью вынесил меня, своего автора. Задумал и осуществил. Ну, извурник. Только направление он замырорвал меня под усы, под тучность, не было этого, не было. А, может, правильно? Чтоб никто не узнал и пальцем не тыкал?

А все-таки славно я ему загнул про сибирское! Пусть знает, интеллигент, что не он один хлебает.

... и тогда почувствовал страх со спиной и всякий раз он приходил этот страх и очень постепенно медленно становился не столь острым как воспоминания об ампутации это лицо в четверть оборота и мгновение покушаешь нет нет не может быть ощущение нареальности останется до конца случайность здесь исключается у случайности нет никаких шансов стало быть это внимательство высших сил судьбы зачем что они хотят или это плата за перекусанное или звено драчного пути и медленно спустя и всякий раз при расставании луна на разрыв на крик последнее бесповоротное отчание когда и идти дальше уж ничего все кончается и не разобрать что там более давящая ответственность за будто бы важное дело жизни словно у жизни есть какие-то дела кроме нее самой или притяжение к такому возникшему а наверно напоминает это все проходит как сон наваждение настя и настает черный ужас обмана уронации нагота реальности безмерность ничегонечья и в первых кадрах воспоминаний испекренных полосами и царевицами от частого повторения синий ты испортил лицо ладонями и внимательными глазами чуть изогнув крылья бровей словно лицо твоё неземное собирается улететь смотреть на меня угадывая чья это тайна я ли создал тебя упорной крилатой силой воображения те ли из ипотруда протодракона труну над пропастями молчания или провалами некои соединить две руки хрупкие непрочности и мне теоретику сколасту отвлеченному наблюдателю жизни прельянен полный расчет за неучастие за комфортное одиночество расчет любовью ты этого жаждал так подуши свой приговор последнего осознания что нет более мучительной гибели чем гибель любовью а мы с тобой как два крыла у вечности сквозь сон летящей распахнутой и преклонившей два сумасшедшие крыла и мы с тобой как два слона пропотливые вглубь рассвета и там затерянные где-то два перепутанных слона а мы с тобой как две руки презрение закон молчания над безной такого отчаяния две встретившиеся руки а мы с тобой как две судьбы сквозь жизнь протянутые турго и окружившие друг друга две человеческих судьби...

Они ворвали с мороза раскрасневшиеся и сразу наполнили комнату ожиданием чуда, будто вспышки как событие, в скучный перечень фактов.

Она сказала, улыбаясь:

- Вот мой летенек, о которой я вам говорила. А это, доченька, тот, о ком я тебе говорила. Познакомьтесь, люди.

К.М. присела на корточки, протянула ладонь. Девочка внимательно смотрела в его глаза долгим открытым взглядом, зубами стянула верхнюю и вложила говорчливую ладонку в его руку. Он помог им раздеться, снял с обеих сапоги, отворил толстую дверь в комнату.

- Проверу в мою берлогу. Не очень уютно, как в халое, но зато воздух насыщен табачным запахом и наполнен волнующими мыслями.

- Мысли? - спросила девочка. - Мама говорила, что у тебя бывают мысли. А что ты с ними делаешь? Мама говорила, что ты их записываешь на клочках тайны.

- Нет, - ответил он серьезно. - Они свободны как стая голубей.

- А если окно открыто?

- Тогда они вылетают и садятся прохладой на головы.

Ленинка мягко погримала девочку по плечу, прошла в комнату, легко села в единственное никое пропавшее кресло, откинула голову, закрыла глаза и, прогодавши улыбаться, опустила руки, усталые крылья.

Девочка можча прошла вдоль книжных полок, рассматривая корешки, трогала пальцем и, склонив голову, что-то бормотала.

- Улетаешь? - спросил он.

- Да. На новой большой машине. На два или. Можно, Катяра побудет у тебя?

- Конечно, конечно. - Он пристылся с края дивана, засел коленями напротивние ладони. - Ты улетаешь, а я иду. Я иду, и ты возвращаешься. И ничего не могу делать. И никогда к этому не привыкну. Встреча-расставание-встреча-расставание. Жизнь - вспышками. В первый день разлуку выдержишь легко, как теплод, на второй день приходит тревога и

поселяется, развещивая на стенах звезды своего присутствия, на третий день и начиная склонять с ума, с часа на час, по ступенькам вниз, в ухас...

— А я? — предполагала она, не отрывая глаз. — Я живу этим. Как будто включилась и выключилась и снова включилась свечением.

— Ну надо искать какой-то выход...

— Выход всегда один, — улыбалась она, — выход много, а выход один. Но это почему-то ищут многие.

— Да, пожалуй, как дверь в стене, через которую только в единственный раз единственной полноты единственной жизни случается попасть. Попадь туда и непременно нарушишь какой-то закон чула, а чудо не повторяется.

К вечеру они остались одни с Катирой. Девочка пристривалась к нему внимательно, и он — с осторожностью и даже с опаской. Послужили, разговаривая ни о чем в особенности, так, налегке, потом немного посмотрели телевизор, потом читали книгу, время закручивалось медленно и туто.

— Ты любишь маму? — спросила девочка неожиданно.

— Да. Очень-очень.

— Тогда я тоже тебя буду любить. И хочу, чтобы ты мне приложился во сне.

— Я постараюсь при靠近иться тебе и расскажу что-нибудь веселое.

— А мне мама на ночь стихи читает. Она саки стихи придумывает.

— Это интересно. Она мне не говорила об этом. Прочти что-нибудь.

— Практически наша — Два за заборчик со хрева покертовала раз, а мы за то страдали. Что ты? Ты заболел? Открой глаза, пуй!

— Сейчас. Погодите. Ону минуточку... Скажи, только честно-честно... скажешь? Ты когда-нибудь с мамой... лежала?

— Конечно. Это было очень и очень долго. Когда она вернется, ты попроси, она сдик тебе все расскажет. Какой ты бледный. Я отвернусь, не буду на тебя смотреть.

— Не бойся, это пройдет, все это пройдет, я знаю.